

ISSN 2414-374X (Online)

ISSN 2522-4069 (Print)

**ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

**ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ,
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№ 4 (79) 2021

Донецк

ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ISSN 2414-374X (Online)

ISSN 2522-4069 (Print)

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ОСНОВАН
В 1999 году

Выпуск № 4(79) 2021 год

Учредитель – Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» (ДОННУ)

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор – Разумный В.В., к-т ист. наук (ДОННУ);

Заместитель главного редактора – Бобровский А.С., к-т ист. наук (ДОННУ);

Отв. секретарь – Посредников Д.В., к-т ист. наук (ДОННУ);

Агапов В.Л., д-р ист. наук (ДОННУ);

Бредихин А.В., д-р ист. наук (ДОННУ);

Колесник А.В., д-р ист. наук (ДОННУ);

Кузнецова Е.В., к-т полит. наук (ДОННУ);

Морозов Р.Н., к-т ист. наук (ДОННУ);

Пенькова О.Б., к-т ист. наук (ДОННУ);

Черкашин К.В., к-т полит. наук (ДОННУ).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Баранов А.В., д-р ист. наук, д-р полит. наук (Кубанский государственный университет, РФ);

Беловолов Ю.Г., д-р ист. наук (Донецкий национальный университет);

Ерхов Г.П., д-р ист. наук (Донецкий национальный университет);

Кияшко А.В., д-р ист. наук (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, РФ);

Кринко Е.Ф., д-р ист. наук (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, г.Ростов-на-Дону, РФ);

Липинский В.В., д-р ист. наук (Донецкий национальный университет);

Саржан А.А., д-р ист. наук (Донецкий национальный технический университет);

Шендрикова С.П., д-р ист. наук (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского г. Симферополь, РФ);

Шепко Л.Г., д-р ист. наук (Донецкий национальный университет);

Цыганков П.А., д-р филос. наук (Московский государственный университет им М.В.Ломоносова, г. Москва, РФ)

УДК: [94+32+327]:001.891

ББК: Т1я52+Т3(4УКР55)я52+Т3(0)я52+С562.21я52

Индексация журнала

Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)
(лицензионный договор №117-03/2016 от 9 марта 2016 г.);

международная реферативная база данных:

Index Copernicus

Журнал входит

в перечень рецензируемых научных изданий

Донецкой Народной Республики

(приказ Министерства образования и науки ДНР от 01.11.2016 г., № 1134)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Серия ААА, №000149, выдано 20 июня 2017 г.

Адрес редакции:

283001, г. Донецк,
ул. Университетская, 24,
исторический факультет

Тел. +38 (062) 302-07-25

e-mail: donnu.hist@donnu.ru

Сайт <http://donnuhist.ru>

*Рекомендовано к печати Ученым советом
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
25.02.2021 (протокол № 2)*

Выпуск подготовлен в Донецком национальном университете
под редакцией С.В.Беспаловой, ректора университета, д-ра физ.-мат. наук, профессора

Ж92 Журнал исторических, политологических и международных исследований: научный журнал. – Донецк, 2021. – № 4(79). – 99 с.

ISSN 2079-9152

В очередном выпуске научного журнала представлены статьи по истории, политологии и международным отношениям. Авторы посвятили свои работы актуальным проблемам современности. Важное место отведено изучению истории Донбасса и России как неотъемлемых частей единого русского культурно-цивилизационного пространства.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Серия ААА, №000149, выдано 20 июня 2017 г.**

**Лицензионный договор с библиографической базой данных
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
№117-03/2016 от 9 марта 2016 г**

Сборник индексируется
в международной реферативной базе данных
Index Copernicus

УДК: [94+32+327]:001.891

ББК: Т1я52+Т3(4УКР55)я52+Т3(0)я52+С562.21я52

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2021

© Авторский коллектив выпуска, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Агаркова М.И. К вопросу о Ближневосточной теории происхождения индоевропейских народов. 6

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Ляшенко В.Г. Деятельность съездов горнопромышленников Юга России по освоению рынков сбыта донецкого угля во второй половине XIX – начале XX веков. 16

Щевич К.С. Создание Сталинского русского музыкального театра. 21

Старченко Н.Н. Из истории военной повседневности: решение проблем жилищного и коммунального хозяйства в городе Сталино (сентябрь 1943 – 1945 гг.). 26

Соловей М.А. Реорганизация детских домов в Донбассе в годы хрущевских реформ. 35

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Рязанов К.М. Из опыта протекционистской политики Англии в середине XVII – XVIII вв. 42

Бредихин А.В., Жиленкова А.С. Роль Соединенных Штатов Америки в Мексиканской революции 1910-1917 гг. 50

Разумный В.В., Гречихин К.А. Борьба курдов Ирака за независимость в период Ирано-иракской войны (1980-1988 гг.). 57

Скопылатова В.И. Государственные секретари по делам Северной Ирландии в период правления кабинетов Маргарет Тэтчер. Хамфри Аткинс. 65

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Кухтин М.М. Современная немецкая внешняя политика в контексте геополитических предсказаний С. Хантингтона и З. Бжезинского. 69

ПОЛИТОЛОГИЯ

Дубов К.М., Черкашин К.В. Центризм в политике: краткая история, основные трактовки, социальная база. 75

Николаев Ю.Б. Антирусский вектор советской национальной политики. 86

CONTENT

ARCHEOLOGY

Agarkova M.I. On the question of the Middle Eastern theory of the origin of the Indo-European peoples. 6

NATIONAL HISTORY

Lyashenko V.G. The activities of congresses of miners of the South of Russia on the development of Donetsk coal sales markets in the second half of the 19th - early 20th centuries. 16

Shchevich K.S. Creation in the city of Stalino Russian Musical Theater. 21

Starchenko N.N. From the history of military everyday life: solving the problems of housing and communal services in the city of Stalino (september 1943 - 1945). 26

Solovey M.A. Reorganization of orphanages in the Donbass during the Khrushchev reforms. 35

THE WORLD HISTORY

Ryazanov K.M. From the experience of the protectionist policy of England in the middle of the 17th - 18th centuries. 42

Bredikhin A.V., Zhilenkova A.S. Role of the United States of America in the Mexican Revolution 1910-1917. 50

Razumnyy V.V., Grechikhin K.A. The struggle of the Kurds of Iraq for independence during the Iran-Iraq war (1980-1988). 57

Skopylatova V.I. Secretaries of State for Northern Ireland during the Margaret Thatcher cabinets. Humphrey Atkins. 65

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

Kukhtin M.M. Modern German foreign policy in the context of geopolitical predictions by S. Huntington and Z. Brzezinski. 69

POLITICAL SCIENCE

Dubov K.M., Cherkashin K.V. Centrism in politics: a brief history, basic interpretations, social base. 75

Nikolaev Yu.B. Anti-Russian vector of the Soviet national policy. 86

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 930.2:94(395.5)

М.И. Агаркова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: m.agarkova@donnu.ru

К ВОПРОСУ О БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ НАРОДОВ

Аннотация

В статье рассматривается история локализации прародины индоевропейцев на Ближнем Востоке и Армянском нагорье, а также некоторые проблемы, связанные с этногенезом и миграциями древних индоевропейцев, так называемый «армянский фактор в происхождении индоевропейцев». Целью статьи является осмысление творческого наследия ученых-индоевропеистов в деле локализации прародины индоевропейцев на территории Анатолии и Армянского нагорья с определением наиболее аргументированных из существующих концепций.

Ключевые слова: *индоевропейская прародина, Ближневосточная гипотеза, Анатолия, Армянское нагорье, этногенез армян, автохтонная теория, миграционная теория.*

Summary

The article considers the history of localization of the ancestral home of Indo-Europeans in the Middle East and the Armenian highlands, as well as some problems related to the ethnogenesis and migrations of ancient Indo-Europeans, the so-called "Armenian factor in the origin of Indo-Europeans". The aim of the article is to comprehend the creative heritage of Indo-European scientists in the localization of the ancestral home of Indo-Europeans in the of Anatolia and the Armenian highlands with the definition of the most reasoned of the existing concepts.

Keywords: *Indo-European ancestral homeland, middle Eastern hypothesis, Armenian highlands, ethnogenesis of Armenians, autochthonous theory, migration theory.*

Зарождение и становление индоевропеистики как науки началось давно и уходит своими корнями во времена, когда европейцы впервые познакомились с индийской культурой и с древнейшей индоевропейской письменностью –

санскритом. Открытие и изучение европейцами в конце XVIII – начале XIX вв. санскрита привело к возникновению научной индоевропеистики и утверждению сравнительно-исторического метода в языкознании. О путях исследования санскрита в Европе дают представление многочисленные работы, посвященные вопросам изучения отдельных языковых аспектов, словари санскрита и отдельные статьи и монографии, а также работы обобщающего характера.

Однако это направление научных исследований до сих пор продолжает оставаться крайне сложным, поскольку индоевропейская проблема должна решаться на междисциплинарном уровне с привлечением данных и методов лингвистики, археологии, истории, антропологии, этнографии, палеогеографии, ботаники, зоологии, и других наук. Ни одна из них отдельно, в том числе и последние сенсационные построения генетиков, не в силах решить проблему самостоятельно [1]. Сегодня существует разнообразие идей и подходов относительно имманентного развития культур начиная с эпохи энеолита до раннего железного века в разных областях Старого Света от Атлантики до Тихого океана и Индии, демонстрирующих распространение индоевропейцев, но к сожалению, практически отсутствуют попытки систематизировать творческие работы ученых и разобраться в довольно объемной и пестрой историографии проблемы, хотя это способствовало бы выведению всей проблемы из тупика.

Отсюда, своей целью мы видим осветление истории поисков начального центра распространения ранних диалектов праиндоевропейского языка на территории Анатолии и Армянского нагорья, а также, некоторых проблем, связанных с миграциями носителей индоевропейских языков.

В соответствии с данной целью предполагается решить поставленные задачи: выявить методологические проблемы, с которыми столкнулись ученые при исследовании происхождения носителей индоевропейских языков, а также остро дискуссионные вопросы армянского этногенеза; проанализировать принципиальные положения как дающие основание считать, что именно армяне являются наиболее прямыми потомками древних индоевропейцев, так и критикующие, и опровергающие последнюю гипотезу.

Вопрос о времени, месте возникновения и этапах расселения индоевропейцев уже почти два столетия является предметом самых противоречивых, и, в то же время, одних из наиболее интересных дискуссий. Сама же индоевропейская проблематика, как составной компонент разных, очень часто противоречивых по содержанию и характеру гипотез, нередко приобретала острый политический оттенок с явной тенденциозной трактовкой и служила предметом пылких идеологических споров. Так, например, в досоветский период в Армении была наиболее популярной идея «армянского арийства». Армянское нагорье объявлялось колыбелью индоевропейских (индоарийских племён), а Урарту – армянским государством [2].

Сравнительно недавно вышли в свет новые труды Дж. Мэллори и Д.Адамса, в которых содержатся принципиально новые позиции относительно концепции происхождения индоевропейцев [3, 4]. Так, Дж. Мэллори, который в

течение многих лет последовательно отстаивал «степную» версию происхождения индоевропейцев, в связи с новейшими открытиями генетиков, готов изменить свои взгляды. Начиная с 2015 г. палеогенетики открыли серию масштабных миграций, достигших Енисея на востоке, и Ирландии на северо-западе. В то же время археологические данные свидетельствуют как «за», так и «против» ведущей роли степной миграции [5]. Таким образом, постепенно нарушается древнее (с конца XIX в.) равновесие между балканско-анатолийско-кавказской (земледельческой) и степной (скотоводческой) версиями. Степная концепция благодаря усилиям М. Гимбутас [6,7,8,9,10] была очень популярной в 60-70 гг. XX в., на протяжении 1980-х гг. она значительно уступила свои позиции (этому способствовали труды К. Ренфрю [11], Т. Гамкрелидзе и В. Иванова [12], Л. Киллиана, Я. Маккая [13] и др.). В то же время, балкано-анатолийскую концепцию отстаивают такие известные ученые, как уже упомянутый К. Ренфрю [14], М. Звелебил [15], П. Долуханов [16], А. Шеррат [17] и др.

Таким образом, чисто историографические труды по соответствующей проблеме отсутствуют. Историография поисков индоевропейской прародины (различных ее вариаций) приводится в отдельных разделах монографий, посвященных этой же теме. Некоторые попытки подвести все существующие гипотезы специалистов под общий знаменатель понимания делаются в статьях, докладах на конференциях и круглых столах. Но не надо забывать, что древнейшие этапы этногенеза индоевропейцев, несомненно, имеют непосредственную связь с археологическими памятниками южнорусских степей, что придает индоевропейской проблематике особый вес в контексте развития отечественной науки.

Пионером применения археологических материалов в индоевропеистике выступил О. Шрадер. Присоединившись к авторам, считавшим, что данные экологической лексики позволяют размещать прародину индоевропейцев к северу от Балканского полуострова и Кавказа, он отметил, что археологические данные этих регионов свидетельствуют о присутствии здесь земледелия и скотоводства уже с III-II тыс. до н.э. – то есть со времен, к которым авторы XIX – нач. XX вв. относили существование индоевропейской общности [18].

Эти наблюдения соответствовали построениям лингвистов, которые обосновывали скотоводческо-земледельческий образ жизни древних индоевропейцев и могли служить аргументацией мнения относительно размещения прародины индоевропейцев в Центральной Европе и/или Северном Причерноморье. Следует отметить, что О. Шрадер, в принципе, согласен с теми авторами, в частности, А. Шлейхером, В. Геном, которые отрицали показательную первенство лингвистических (лексических) данных для реконструкции элементов общеиндоевропейской культуры, но получалось так, что археологические свидетельства как раз подтверждали большинство из предложенных языковедами реконструкций. Немецкий лингвист А. Шлейхер еще в середине XIX в. предложил принцип реконструкции праиндоевропейской

лексики методом сравнительной лингвистической палеонтологии, благодаря которому была разработана схема генетического древа индоевропейских языков и их классификация [19]. К числу наиболее признанных принадлежит классификационная схема, которая охватывает 13 этноязыковых групп индоевропейских народов: анатолийская, индийская, иранская, греческая, италийская, кельтская, иллирийская, фригийская, армянская, тохарская, германская, балтская, славянская, каждая из которых состоит из многих близкородственных живущих ныне и уже мертвых языков. Еще одним направлением применения «лингвопалеонтологического» метода была реконструкция праиндоевропейской культуры: общеиндоевропейские термины, связанные со сферой культуры (хозяйства, социального строя и т.д.), их значение интерпретировали как доказательство наличия у индоевропейцев тех или иных культурных явлений (этот подход приобрел особое значение позже, когда началось привлечение данных археологии).

Малоазиатская теория происхождения индоевропейцев зародилась на заре компаративистики (сравнительно-исторического языкознания). Так, в 1872 г. Г. Линк и Ф. Миллер помещали родину в Закавказье [20]. Под влиянием панвавилонизма Т. Момзен считал, что индоевропейцы происходят из Месопотамии [21]. Наиболее развернутая аргументация локализации прародины индоевропейцев на территории Армянского нагорья последовательно развивается в трудах Г.Т. Гамкрелидзе и В.В. Иванова. Археологическая основа Анатолийской концепции прародины была заложена английским археологом К. Ренфрью. Локализацию индоевропейской прародины на территории Армянского нагорья на археологическом материале аргументирует С. Григорьев [22, 23].

В качестве аргументов в пользу своей концепции Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов приводят выразительные параллели праиндоевропейской языковой системы с системами языков Ближнего Востока, изоглоссы с семитскими, северокавказскими, картвельским и шумерским языками. Лингвисты также реконструируют природное окружение праиндоевропейцев. Они находят в составе общеиндоевропейской лексики названия таких реалий, как лев, барс, верблюды (или слон), обезьяна, краб, виноград, роза, шелковица (тутовое дерево), кизил, грецкий орех, береза. Кроме этого, общий индоевропейский словарь указывает на знание специфики горного рельефа, снега, инея, льда, что смещает направление поиска в сторону Закавказья. Данные общеиндоевропейской культурной лексики указывают на овладение носителями праязыка пашенным земледелием, виноделием, ткачеством, пчеловодством, садоводством, обработкой металлов, умением изготавливать колёсные транспортные средства, возводить сооружения из камня или обожжённой глины. В пользу малоазиатской гипотезы локализации прародины свидетельствует факт наличия социальной дифференциации в индоевропейском обществе (выделялись прослойки правителей и их окружения, свободных соплеменников и зависимых людей), что прослеживается по археологическим материалам V-IV тыс. до н. э. на Ближнем Востоке и лишь, начиная с конца IV-III тыс. до н. э., под влиянием восточных

культурных центров распространяется в Европе. Исходя из этого, истоки «индоевропеизации» логичнее было бы усматривать в более южных регионах, прилегающих к древнейшим (VIII тыс. до н.э.) земледельческим центрам Анатолии. Анатолийская прародина располагается исследователями в раннем неолите, примерно 7 000 – 6 000 гг. до н.э. Эта теория предполагает значительные миграции индоевропейского населения, благодаря которым носители индоевропейских языков распространились на обширных территориях Европы из Анатолии, где индоевропейцы известны с эпохи бронзы.

Согласно «волновой модели», предложенной К. Ренфрю в работе «The Puzzle of Indo-European origins», к Анатолийской теории происхождения индоевропейцев привлекается главный процесс, который, без сомнения, радикально повлиял на всю Европу, – применение производящей экономики. Наиболее ранние следы найдены в Греции, Неа-Никомедии в Южной Македонии, Аргисса-Магула в Фессалии. Сейчас по C14 их можно датировать 6 500 г. до н.э. Отсюда, по К. Ренфрю, и пошло заселение Европы. В отношении «коренных» жителей – охотников-собирателей, их, согласно расчетам, должно было оставаться не более 1%, и они должны были раствориться в массе нового населения. Поскольку среди ученых общепринято, что производственное хозяйство пришло в Грецию из Анатолии, логика модели уводит автора на Восток, где производительное хозяйство появилось гораздо раньше. Эту зону К. Ренфрю распределяет на три части: потомками западно-анатолийских языков были индоевропейские языки Европы, центральных – хеттские и восточно-анатолийских – индоиранские языки, поскольку та же модель позволяет предположить, что ранние земледельцы Загроса также говорили на индоевропейском языке [24].

Кроме этого, К. Ренфрю, считает, что традиционная точка зрения о наличии связи между domestикацией коня и возникновением верховой езды с проблемой индоевропейской прародины ошибочна, мысль о существовании такой связи, содержащаяся в ранних работах Д. Энтони и Дж. Мэллори и восходящая ко взглядам М. Гимбутас и Г. Чайлда, не верна. Позже Д. Энтони [25] и Дж. Мэллори [26] отмечали, что существенные изменения в степи произошли около 2000 г. до н.э., до появления андроновской культуры (это ранее уже признавали отечественные исследователи, в частности Е. Е. Кузьмина), которая дала некоторый материал для решения проблемы распространения индоиранской ветви языков [27].

Анатолийское происхождение индоевропейцев предусматривает индоевропейские миграции с начала неолита и постулирует существование индоевропейских культур в районах Евразии, для которых в предполагаемое время не устанавливаются информативные общеиндоевропейские термины. Например, родственные слова, означающие лошадь, представлены почти во всех группах индоевропейских языков (от Ирландии до китайского Туркестана, однако это животное неизвестно в Анатолии до IV тыс. до н.э., а в Греции – до эпохи бронзы. Еще более важные термины для обозначения колесного

транспорта не подтверждаются таким ранним археологическим материалом, однако представлены среди наследственной лексики в анатолийских языках.

По убеждению большинства археологов, теория Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова не соответствует реконструированным на основе археологических источников историческим процессам. Выразителем мнения этого большинства («main stream of conventional wisdom») стал Дж. П. Мэллори, выступивший на страницах «In search for Indo-Europeans» с аргументами против размещения первоначального очага индоевропейцев на Армянском нагорье: наличие во всех группах индоевропейских языков родственных слов, обозначающих лошадь, свидетельствует о необходимости присутствия этого одомашненного животного, однако, по мнению А. Долгопольского, оно было неизвестно в Анатолии до IV тыс. до н.э. [28]. Не подтверждаются столь ранним археологическим материалом и термины, характерные для колесного транспорта. Однако, опираясь на открытия предшественников, С.А. Григорьев находит кости лошади на памятниках Восточной Анатолии и Закавказья VI – IV тыс. до н.э., что, по его мнению, может служить свидетельством domestикации этого животного [29]. Ученый считает, что диалектному членению индоевропейских языков еще в рамках исходного ареала, а также характеру индоевропейских миграций способствовал географический фактор, а именно то, что территория Курдистана и Армении представляют собой горный массив, расчлененный множеством долин.

Языковеды И.М. Дьяконов [30] и О.Н. Трубачев [31] обратили внимание на отсутствие следов архаичной индоевропейской гидронимии на территории самого Армянского нагорья, а также на отсутствие в материалах археологических культур Халаф и Шому-Тепе (отождествляемых с праиндоевропейцами) признаков развитой металлообработки, одомашненного коня, колесного транспорта. Культурно-исторические построения Т.Гамкрелидзе и В.Иванова получили немало довольно резких замечаний, однако, новые данные генетиков и лингвистов свидетельствуют скорее в пользу «армянского фактора» в происхождении индоевропейцев. Ученые Р. Грэй и К. Аткинсон при помощи компьютерного моделирования «генеалогического древа языков» пришли к выводу, что 8 700 лет назад произошла начальная миграция с территории Армянского нагорья. Греко-армянский язык отделился от общеиндоевропейского массива около 7 000 лет назад, вслед за тохарским, а все остальные основные языки были образованы около 5 000 лет [32]. Этот сценарий согласуется с последними генетическими исследованиями, подтверждающими неолитический, ближневосточный вклад в европейский генофонд [33].

Распад общеиндоевропейского языкового единства сопровождался выделением языков – диалектов, носители которых в разное время приняли участие в миграциях III-II тыс. до н.э. Армянский язык считается одним из древнейших выживших членов этого семейства, и, по некоторым оценкам, он уходит корнями вплоть до 5 000 г. до н.э. Поэтому исследование направлений миграций армян чрезвычайно важно в деле определения их этногенеза.

Армянские историки конца XIX-начала XX вв., обращаясь к истокам армянского народа, руководствовались «этногоническими мифами» Мовсеса Хоренаци, а также кратким рассказом о происхождении Армении анонимного автора, датированным VII в. Так, они считали предком армян легендарного Хайка, который якобы происходил от линии, восходящей к библейскому Ною. Именно Хайку приписывали основание городской цивилизации в окрестностях озера Ван в эпоху бронзового века. Несмотря на очевидную несостоятельность данной мифологической теории армянского этногенеза, она находит пылких сторонников и в наше время. Например, Д. Лэнг [34] сообщает, что хеттские анналы содержат некоторые интересные сведения о народе хайаса, обитавшем в районе нынешнего Эрзинджана в верховьях Евфрата. Название «хайаса» очень схоже с самоназванием армян, – хайки и их страны – Хайастан.

Доминирующей в отечественной и зарубежной историографии является миграционная гипотеза происхождения армян, согласно которой предки армян находились в ближайшем родстве с фригийцами, фракийцами и греками, переселились в Малую Азию с Балканского полуострова и столетиями двигались на восток, пока наконец не заселили Армянское нагорье, которая прослеживается в работах М.Х. Абебяна, Я.А. Манандяна, И.М. Дьяконова и других. Представители миграционной гипотезы преувеличивают роль урартийцев в формировании армянского народа, называют армян «потомками урартийцев, перешедшими на индоевропейский язык» [35].

Большинство армянских ученых поддерживают автохтонную версию этногенеза, которая базируется на «хайасских» гипотезах, согласно которым этнические армяне населяли Армянское нагорье со значительно более раннего периода. Так, Ж. Сандалян выступал против фригийского происхождения армян и доказывал, что Армянское плато являлось колыбелью арийских племен, что именно оттуда они волнами переселялись на запад и на восток и что «Наири-Урарту» со всей его культурой, религией и письменностью являлось армянским наследием, что, по сути, является одной из вариаций описанной выше теории малоазийской индоевропейской прародины. Дальше в своих рассуждениях пошел А. Гарибян, который подверг строгой критике не только миграционную теорию, но и принадлежность армянского языка к индоевропейской языковой семье. В качестве аргументов, он ссылается на мнение выдающегося представителя сравнительно-исторического языкознания А. Мейе, утверждавшего, что фонетическая и морфологическая система армянского языка весьма отличается от индоевропейской [36].

Таким образом, «армянский вопрос» в индоевропеистике остается открытым. Сторонники малоазиатской гипотезы прародины индоевропейцев считают, что праиндоевропейский язык возник на Армянском нагорье, а армяне были либо единственными немигрирующими индоевропейцами и должны были лучше всех сохранить праиндоевропейский язык (автохтонная теория этногенеза армян, ближневосточная теория происхождения индоевропейцев), либо мигрировали на территорию Причерноморских степей, а в последствии,

вернулись на историческую родину. Сторонники «степной» и Центральноевропейской гипотез индоевропейской прародины критикуют построения оппонентов, указывая на отсутствие фонологической точности, на наличие внутренних противоречий и слабую аргументацию (отсутствие археологических оснований локализации очага праиндоевропейцев на территории Армянского нагорья). Следовательно, возникает миграционная теория армянского этногенеза, согласно которой протоармяне мигрировали в массиве родственных индоевропейских племен с территории Балкан в конце бронзового – начале железного веков, и, попав в район озера Ван, смешались с местными обитателями (хурритами, урартами и хаттами), положив начало армянскому народу.

Ссылки и примечания:

1. Зализняк Л.Л. Происхождение индоевропейцев и их расселение в свете археологических данных [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://генофонд.рф/?page_id=7366
2. Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. – М.: Академкнига, 2003. – С.52.
3. Adams D. Q., Mallory J. P. Encyclopedia of Indo-European culture. – London: Fitzroy Dearborn Publishers, 1997. – P. 298-299.
4. Mallory J.P., Adams D.Q. The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and Proto-Indoeuropean World. – Oxford. 2006. – 756 pp.
5. Сто лет популяционной генетики человека [Электронный ресурс]. Режим доступа http://генофонд.рф/?page_id=31433
6. Gimbutas M. The Indo-Europeans: Archeological problems // American Antropologist. T. LXV. 1963. – P. 815-836.
7. Gimbutas M. The First Wave of Eurasian Steppe Pastoralists into Coper Age Europe // The Journal of Indo-European Studies. Vol. 5. № 4. 1977. – P. 277-338.
8. Gimbutas M. The Kurgan Wave № 2 (с. 3400-3200 B.C.) into Europe and the Following Transformation of Culture // The Journal of Indo-European Studies. Vol. 8. № 3 & 4. 1980. – P. 273-315.
9. Gimbutas M. Primary and Secondary Homeland of the Indo-Europeans. Comments on Gamkrelidze – Ivanov articles // The Journal of Indo-European Studies. Vol. 13. – № 1 & 2. 1985. – P. 185-202.
10. Gimbutas M. The Civilization of the Goddess. – San-Francisco: Harper, 1991.
11. Renfrew A.C. Archaeology and Language: The Puzzle of Indo-European Origins. – London: Pimlico, 1987. – 346 pp.
12. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: в 2-х ч. Ч.1. – Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984. – 428 с.
13. Makkay J. A Neolithic Model of Indo-European Prehistory // The Journal of Indo-European Studies. Vol. 20. – № 3&4. 1992. – P. 193-238.

14. Ренфрю К. Индоевропейская проблема и освоение евразийских степей: вопросы хронологии // ВДИ. 2002. № 2 (241). – С. 20-32.
15. Zvelebil M. Indo-European Origins and the Agricultural Transition in Europe // Whither archaeology? Papers in Honour of E. Neustupny. Prague, 1995. – P. 173 – 203.
16. Долуханов П.М. Палеоэтнические процессы на территории Передней Азии и Кавказа по данным археологии и смежных дисциплин // Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей. – Ереван: Изд-во Ерев, ун-та, 1990. – С. 116-125
17. Sherrat A.G. and Sherrat S. The Archaeology of Indo-Europeans: An Alternative View // Antiquiti. № 62 (236).1988. – P. 584-595.
18. Сафронов В.А. Индоевропейские прародинны. – Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1989. – С.16.
19. Беляева И.Ф., Хухуни Г.Т. «Парадокс Шлейхера» в лингвистической историографии: прошлое и настоящее // Значимые личности в языке и культуре: научное наследие Августа Шлейхера.– М., 2018. – С.37-45.
20. Конча С.В. Проблема походження індоевропейців (аналіз концепцій): автореф.на здоб.наук.ступ.канд.іст.наук. – К.,1999. – С.5.
21. Зализняк Л.Л. Происхождение индоевропейцев и их расселение в свете археологических данных [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://генофонд.рф/?page_id=7366
22. Григорьев С. Археологические основания ближневосточной локализации индоевропейской прародинны на территории Евразии // Вестник Челябинского университета. 2003. Серия 10: Востоковедение. Евразийство. Геополитика. № 2. – С. 142-157.
23. Григорьев С.А. Древние индоевропейцы. – Челябинск: Цицеро, 2015. –496 с.
24. Резепкин А.Д. Рецензия // Советская археология. 1991. №2. – С.280-281. – Рец. на кн.: Renfrew C. Archaeology and Language: The Puzzle of Indo-European origins L.,1987. – 346 p.
25. Anthony D.W. The Opening of the Eurasian Steppe at 2000 BC // The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia. Washington, 1998. – P. 63-93.
26. Mallory J.P. A European Perspective on Indo-Europeans in Asia // The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia. Washington, 1998. – P. 175-201.
27. Ренфрю К. Индоевропейская проблема и освоение евразийских степей: вопросы хронологии // ВДИ. 2002. № 2 (241). – С. 20.
28. Dolgopolsky A. More about the Indo-European Homeland problem // Mediterranean Language Review. 1990 – 1993. Vol. 6-7. – PP. 230-248.
29. Григорьев С.А. Проблема доместикации лошади на Ближнем Востоке в III тыс. до н.э. // Уфимский археологический вестник. – Челябинск, 2021. – С.222-238.
30. Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа. История Армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н.э. Хетты, лувийцы, протоармяне. – Ереван:

Издательство АН Армянской ССР, 1968. Режим доступа:
<http://annales.info/other/djakonov/index.htm#pian>

31. Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. – М.: Наука, 1999. –С.66-76.
32. Gray R. D., Atkinson Q. D. Language tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origin // Nature. № 426. 2003. – P. 435-439.
33. Армянский фактор в происхождении индоевропейцев [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://vstroках.net/novosti/armyanskiy-faktor-v-proishozhdenii-indoevroyeytsev/>
34. Лэнг Д. Армяне. Народ-созидатель. – М.: Центрполиграф, 2008. – 350 с.
35. Дьяконов И.М. К праистории армянского языка // Историко-филологический журнал. 1983. №4. – С. 149-178.
36. Гуроклян С.Ю. Проблема этногенеза армянского народа в трудах академика А.С. Гарибяна // Научная мысль Кавказа. 2013. № 3. – С.69-72.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 908 (477.62)

В.Г. Ляшенко

кандидат исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: v.liashenko@donnu.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЪЕЗДОВ ГОРНОПРОМЫШЛЕННИКОВ ЮГА РОССИИ ПО ОСВОЕНИЮ РЫНКОВ СБЫТА ДОНЕЦКОГО УГЛЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ.

Аннотация

В статье рассматривается деятельность структур съезда горнопромышленников по продвижению донецкого угля на внутреннем рынке Российской империи и на рынки европейских стран. Рассматриваются вопросы логистики, в особенности, морским путем.

Ключевые слова: железнодорожные тарифы, угольное каботажное плавание, судовладельцы, торговый флот.

Summary

The article is devoted to the activities of the structures of the Congress of miners to promote Donetsk coal on the domestic market of the Russian Empire and on the markets of European countries. It tells about logistics issues, especially by sea.

Keywords: railway tariffs, coal coasting, shipowners, merchant fleet.

К началу 80-х годов XIX столетия угольная промышленность Донбасса находилась на этапе становления. Для устойчивого роста угледобычи отрасль нуждалась в стабильных рынках сбыта, которые нужно было отвоевать даже внутри страны. В документах VII съезда горнопромышленников Юга России, который проходил в ноябре 1882 г. отмечалось, что более 33% потребления угля в Российской империи принадлежало иностранным фирмам, главным образом, английским. Причем такое положение дел наблюдалось не только на северо-западе страны, но и в Черноморском бассейне, который в силу своего географического положения должен был бы снабжаться донецким углем. Иностранный уголь проник до Киева и до Москвы. Объемы его ввоза постоянно возрастали. В 1880 г. в Россию ввезли уголь на сумму 17 604 580 рублей серебром [1].

Такое положение дел грозило подорвать развитие горной промышленности Донбасса. Углепромышленники и шахтовладельцы региона ходатайствовали перед правительством России о повышении таможенной пошлины на иностранный уголь.

В портах Балтийского и Черного морей до 3 ½ копейки за пуд, через австрийскую и прусскую границы 3 копейки за пуд [1].

Однако только усилением таможенных мер решить эту проблему было невозможно. Член совета съезда, горный инженер Н. С. Авдаков доложил делегатам VII съезда, что уполномоченные VI съезда ходатайствовали перед правительством найти средства для скорейшего строительства железной дороги на Волгу, о достройке Миллеровской дороги и Восточно-Донецкой [1].

Предвестником экономических сдвигов стало строительство Мариупольской ветки Донецкой каменноугольной частной железной дороги от станции Еленовка в южном направлении. В 1882 г. Мариупольский участок был сдан в эксплуатацию. 1 июля 1893 г. он вошел в состав Екатерининской железной дороги, соединившей Кривбасс и Донбасс [2].

Увеличение потока товаров, поступавших в Мариуполь по железной дороге для дальнейшего следования морем, вызвало необходимость строительства нового порта, поскольку старый порт в устье Кальмиуса не мог справиться с возросшим грузооборотом. В течение трех лет были сооружены набережная длиной 850 м, построены три мола, два волнолома, проведены дноуглубительные работы (глубина гавани составила 4,26 м), построены портовые помещения, проложена железная дорога от станции Мариуполь. 21 августа 1889 г. состоялось открытие порта. В этот день на теплоход «Медведица» погрузили 11 тыс. пудов угля. Энергию для портовых механизмов вырабатывала гидравлическая станция. Мариупольский порт стал морскими воротами Донбасса. Продолжал действовать и старый порт в устье Кальмиуса. Из Мариупольской гавани за границу вывозился донецкий уголь, зерновой хлеб (пшеница, ячмень, овес), позднее металл. Ввозились марганцевая и железная руда для нужд Донецкого бассейна [2].

Одним из первых шахтовладельцев Донбасса, который начал вывозить уголь, добытый на собственных шахтах, был И. Г. Иловайский. На VII съезде в ноябре-декабре 1886 г. выступил представитель Русского общества пароходства и торговли Н. Д. Скарягин.

В своем докладе он доложил съезду, что И. Г. Иловайский имел небольшую эстакаду в Таганрогском морском порту [1]. Морской путь стал вторым направлением логистики И. Г. Иловайского наряду с железной дорогой. Морскими судами уголь И. Г. Иловайского поступал в порты Азовского и Черного морей, где конкурировал с британским углем. И. Г. Иловайский расширил рынок сбыта топлива, увеличив прибыль.

Вопрос о рынках сбыта донецкого угля неоднократно рассматривался на съездах горнопромышленников Юга России. Так, в 1903 г. на XXVIII съезде горнопромышленников была утверждена докладная записка Совета съезда, адресованная великому князю Александру Михайловичу Романову – главноуправляющему торговым мореплаванием и портами Российской империи. В записке отмечалось, что с открытием Мариупольского порта в 1889 г. и установлением таможенных покровительственных пошлин на иностранный уголь

началась замена в портах Азовского и Черного морей иностранного угля отечественным.

До принятия этих мер донецкий уголь с трудом проникал на азовско-черноморский рынок в небольшом количестве. Одной из причин, которая сдерживала завоевание рынка, было слабое техническое обеспечение. Донецкий уголь перевозился на парусных судах по высоким фрахтам, 7 коп. за пуд, из Мариуполя в Одессу.

Положение изменилось в 1889 г. с открытием Мариупольского порта и установлением покровительственного тарифа. Торговля донецким углем содействовала развитию парового угольного флота (угольного каботажа). Этот флот, принадлежащий частным лицам, стал появляться с 1890 г. Спустя пять лет появилось 22 паровых судна, и таким образом возник первый в России паровой угольный каботаж. В связи с этим началось понижение угольного фрахта с 7 коп. до 2 ½ коп. и 2 коп. за пуд.

За десятилетие английский уголь был вытеснен донецким в портах Северного Причерноморья. Из Мариупольского порта в 1902 г. было вывезено 28 тыс. пудов угля [3]. В Мариуполе сложилась группа предпринимателей, которая занималась торговлей донецким углем. Так, владелец крупнейшего пароходства П. П. Регир, мариупольский купец 1-й гильдии, активно торговал донецким антрацитом, коксом. Торговый дом «И. И. Де-Мартино и сыновья», действовавший в городе с 1875 по 1916 год, занимался продажей и отправкой угля во все порты Российской империи и за границу. С 1908 г. в Мариуполе работали пароходные конторы Э. Ди-Поллоне, И. Я. Древицкого, мариупольского купца 1-й гильдии, собственника пароходства «Ф. Зворого и Ди-Поллоне», Русского общества пароходства и торговли. Наиболее успешными из мариупольских негоциантов были отец и сын Хараджаевы, имевшие в 1887 г. 13 парусных судов, а затем владельцы парохода. Известно, что Д. А. Хараджаев уголь, добываемый в собственных шахтах Краснокутского рудника, вывозил в порты Черного моря и Константинополь [2].

В приморских городах Юга России появилась группа предпринимателей, которые организовали шипмастерские конторы, строили на собственные или заемные средства суда с высокой грузоподъемностью. Так, в Ростове-на-Дону крупным судовладельцем стал донской казак Иван Семенович Кошкин. Он начал свою предпринимательскую деятельность в горном деле с 1858 г. Еще одно коммерческое дело И. С. Кошкина – собственное пароходство. Его флот начался с постройки на верфях Д. А. Пастухова в 1888 г. стальной паровой шхуны «Антрацит». Судно было способно одним рейсом перевезти 50 тыс. пудов угля. Позднее суда заказывались на заводах не только в Ростове-на-Дону, но и за границей. К началу XX века флот Кошкина насчитывал 8 грузовых судов и два парохода дальнего плавания.

В Мариуполе крупным судовладельцем стал П. П. Регир, этнический немец, мариупольский купец 1-й гильдии, основатель одного из крупнейших в России пароходств. Через пять лет с момента открытия морского порта в городе насчитывалось 16 среднего типа морских пароходов. Самым грузоподъемным был

«Петр Регир» с подъемной силой 130 000 пудов. За ним шел «Инженер Авдаков» – 110 000 пудов. Развитие торгового флота способствовало угольному каботажному плаванию, а также выходу судов в воды Черного, Эгейского, Средиземного морей [3].

После завоевания внутреннего рынка, горнопромышленники Донбасса приступили к освоению внешних рынков. Так, в 1902 г. Советом Съезда горнопромышленников Юга России была организована экспедиция для изучения заграничных рынков на Дунае, в Турции (Босфор и Константинополь), Греции, Италии, Египте до Порт-Саида и Красного моря. Она пришла к следующим выводам. Все эти регионы больше тяготеют к Донецкому угольному бассейну, нежели к английским каменноугольным бассейнам. Например, английские пароходы с углем совершали рейсы из портов Англии на Дунай в пределах 12-14 дней, тогда как из Мариуполя пароходы совершали рейсы за трое суток. Англичане из своих портов в Константинополь совершали рейс в 10-11 дней, а из Мариуполя в 65 часов, т. е. за 2-4 суток [5].

Члены комиссии предложили правительству меры содействия угольному плаванию:

1) приведение русских портов Азовского моря (Мариуполь, Таганрог, Ростов-на-Дону) в такое состояние глубины гаваней и оборудования, чтобы в них можно было грузить пароходы большой подъемной силы, что привело бы к снижению фрахтов для конкуренции с фрахтами судов заграничных;

2) поощрение владельцев судов, построенных в России из русских материалов путем уплаты из госказначейства половины расходов на казенный уголь русского происхождения, который расходовался на действие машин при совершении рейсов;

3) облегчение расходов по уплате в заграничных портах разного рода сборов – консульских, портовых и других;

4) установить возврат русским судовладельцам пошлин и сборов, взимаемых при переходе судов через Суэцкий канал;

5) чтобы русскому углю в Румынии и Турции были предоставлены равные льготы с британским углем;

6) учреждение торговых палат для развития торговли русским углем с заграничьем. Этот документ 5 февраля 1903 г. подписали: председатель Совета съезда Н. Авдаков, члены совета: А. Ауэрбах, Е. Таскин, А. Долгово-Сабуров, И. Каннегисер. Докладную записку адресовали великому князю В. Романову [5].

Следует отметить, что после XXVII съезда горнопромышленников Донбасса, предприниматели Юга России неоднократно ставили перед правительственными структурами вопросы о развитии собственного торгового флота, о новых судостроительных программах, об экспорте донецкого угля за границу. Эта настойчивая работа промышленников Донбасса принесла ощутимые результаты. В частности, в трудах XXXIX (39) съезда горнопромышленников Юга России, который прошел в ноябре-декабре 1914 г., приведены статистические данные по экспорту донецкого топлива.

Так, в 1911 г. донецкий уголь, антрацит, кокс экспортировались на рынки Турции, Румынии, Италии в количестве: уголь – 970,5 тыс. пудов, антрацит – 829 тыс. пудов, кокс – 18 тыс. пудов. Иноземные торговые суда перевезли только 614 тыс. пудов угля, а остальное топливо и кокс перевезли русские судовладельцы. В 1912 г. донецкое минеральное топливо потребляли в Болгарии, Турции, Румынии, Австро-Венгрии, Франции. Всего за 1912 г. из Мариупольского торгового порта пароходами русских судовладельцев было вывезено 5 348 тыс. пудов угля, 1 711 тыс. пудов антрацита, 61 тыс. пудов кокса. В бункерах иностранных судов в зарубежные порты было доставлено в 1912 г. 2 852 тыс. пудов угля. Всего за год углепромышленники Донбасса поставили на зарубежные рынки 8 200 тыс. пудов угля, 1 711 тыс. пудов антрацита и кокс [6]. Эти цифры были озвучены в докладе Совета XXXIX (39) в ноябре 1914 г.

Торговля донецким минеральным топливом продолжалась до начала Первой мировой войны, когда Черноморский бассейн стал ареной военных действий между Российской и Османской империями.

Таким образом, съезды горнопромышленников Юга России постоянно рассматривали вопросы продвижения донецкого угля как на внутренний, так и на внешние рынки. Для успешной реализации этой задачи применялись различные методы. Одним из них была работа института уполномоченных. Эти люди выполняли решения съездов по повышению тарифов на иностранный уголь, строительству новых железнодорожных веток и подъездных путей к шахтам. Они работали лоббистами, защищали интересы горнопромышленников в министерствах и ведомствах России. С 1874 по 1918 г. предприниматели Юга выстроили эффективно работающую структуру. Благодаря ей, в значительной мере, успешно решались многие проблемы, в том числе, завоевание внутреннего и внешних рынков.

Ссылки и примечания:

1. Труды VII съезда горнопромышленников Юга России, бывшего в городе Харькове с 10 по 27 ноября 1882 года. – Харьков, 1883. – с. 12, 13, 98, 129.
2. Мариуполь и его окрестности: взгляд из XXI века. – Мариуполь : Рената, 2006. – 356 с.
3. Труды XXVIII съезда горнопромышленников Юга России. – Том II. – Харьков, 1903. – с. 32.
4. Труды XXI съезда горнопромышленников Юга России, бывшего в Харькове с 28 октября по 13 ноября – 3 декабря 1896 г. – Часть I. – Харьков, 1897. – с. 116-117.
5. Труды XXVII съезда горнопромышленников Юга России. – Том II. – Харьков, 1903. – с. 53, 63, 64.
6. Труды XXXIX съезда горнопромышленников Юга России (23 ноября – 2 декабря 1914 г.). – Харьков, 1914. – с. 11.

УДК 94:78.03(477.62)

К.С. Щевич

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: kristinashchevich.@yandex.ru

СОЗДАНИЕ СТАЛИНСКОГО РУССКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ТЕАТРА

Аннотация

Статья посвящена открытию музыкального театра в г. Сталино в 1941 году. Автором были изучены периодические издания, на основе которых были сделаны определенные выводы о культурном уровне рассмотренного региона.

Ключевые слова: театр, опера, Лапцкий, Сталино, премьера.

Summary

The article is devoted to the opening of the musical theater in the city of Stalino in 1941. The author conducted research, on the basis of which certain studies were carried out at the cultural level of the study of the region.

Keywords: theatre, opera, Lapitsky, Stalino, premiere.

В современных условиях цивилизационного противостояния коллективного Запада и Русского мира, культура оказались определенным водоразделом в определении «свой» / «чужой». Запад пытается проводить абсурдную политику полного запрета русской культуры. В этих условиях важно детальное изучение отечественной культуры во всех проявлениях, истории ее становления и развития. Необходимо изучать как общероссийские тенденции, так и региональные особенности. Специфика Донбасса и тенденции его современного развития являются причиной обостренного интереса к региону, а также к изучению культурных особенностей Донецкого края.

Изучением культуры Донбасса занимались краеведы и историки – В.П. Степкин [1], А.И. Гаевой [2], В.Е. Давидович [3], В.Т. Ермаков [4], Т.И. Киреева [5]. Изучив их работы, можно отметить, что исследователями были рассмотрены многие аспекты культуры Донецкого региона. Однако на данный момент отсутствуют общеисторические работы, посвященные изучению создания Сталинского музыкального театра.

Целью статьи является исследование процесса создания Сталинского русского музыкального театра на основе материалов периодической печати, а именно газеты «Социалистический Донбасс».

О культуре и благоустройстве дореволюционного Донбасса можно встретить очень интересное свидетельство у известного русского писателя А.П. Чехова: «Из Краматоровки по Азовской дороге еду в Славянск, – писал в одном

из писем Антон Павлович. – Город нечто вроде гоголевского Миргорода: есть парикмахерская и часовой магазин, стало быть, можно рассчитывать, что лет через 1000 в Славянске будет и телефон» [6]. За советские годы все города Донбасса, значительно благоустроились, обзавелись большим количеством культурных учреждений. Захолустный город, ранее напоминавший Миргород, в 1933 году получил государственный драматический театр, а немногим позже они стали создаваться и в других городах области.

Оперный театр был создан в 1932 году в г. Ворошиловграде на базе винницкого передвижного оперного театра. Строительство специального здания театра началось в 1936 году по проекту Л. Котовского. Первоначально здание было спроектировано по типу драматического театра, который уже работал на тот момент в городе. Строительство шло 8 лет.

Только то, что на строительство Сталинского музыкального театра было выделено более 10 миллионов рублей о правительственной заботе касательно трудящихся, о росте их культуры, о процветании социалистического Донбасса. Сооружение театра пользовалось повседневным вниманием со стороны ЦК ВКП(б) и СНК СССР, со стороны секретаря ЦК КП(б)У Никиты Сергеевича Хрущева [7].

23 июня 1940 года состоялось собрание обкома КП(б)У, где приняли ряд решений на основании ранее обсужденных вопросов касательно культурного уровня населения города и его запросов в культурно-художественного обслуживания. На данном собрании постановили следующее:

- ориентировать русский театр оперы и балета в новостроящемся театре города Сталино;
- просить ЦК КП(б)У утвердить настоящее решение и поставит вопрос перед СНК УССР об отпуске средств для организации театра;
- просить управление по делам искусств при СНК УССР помочь Сталинскому областному отделу искусств в организации оперного театра, укомплектовав коллектив театра лучшими мастерами;
- предложить партгруппе облисполкома закончить строительство к 1 сентября 1940 года;
- обязать начальника областного отдела искусств Т. Шурыгина до 10.07.1940 г. подобрать административно-руководящий штат театра, приступив к освоению и оборудованию его. В декабре вновь вернулись к вопросу об окончании строительства [6].

Первоначальной датой открытия Сталинского русского музыкального театра было 23 февраля 1941 г. но, к сожалению, указанной дате строительство не закончилось. В начале апреля было представлено постановление комиссии о готовности здания театра к эксплуатации, открытие театра было назначено на 12 апреля.

В интервью корреспонденту газеты «Социалистический Донбасс» художественный руководитель музыкального театра И.М. Лапицкий сообщил следующее касательно планов театра: «По решению исполкома областного

Совета депутатов трудящихся Донецкий русский музыкальный театр открывается 12 апреля. В день открытия театра мы ставим оперу великого русского композитора Глинки «Иван Сусанин». 14 апреля на сцене будет показана музыкальная комедия Одрана «Маскотта». В двадцатых числах апреля театр выпустит третью премьеру – оперу композитора Гуно «Фауст». В первых числах мая будет поставлена опера Римского-Корсакова «Золотой петушок» [8].

По величию и гениальности музыка эпилога «Ивана Сусанина» поднимается до уровня финала IX симфонии Бетховена. Свойством вечной юности дышит, пройдя испытание века, музыка Глинки.

В интервью корреспонденту газеты «Социалистический Донбасс», музыкальный постановщик спектакля А. Ковальский сообщил следующее: «Сегодня (12 апреля) состоится первое знакомство трудящихся с театром и, в частности, с его оркестром. Коллектив оркестра вырос за последнее время в большую творческую единицу. В состав его вошли лучшие музыканты бывшего Ворошиловградского и Винницкого театров оперы и Сталинской областной филармонии. В первых встречах со слушателями (вечер вальса И. Штрауса и вечер симфонической и оперной музыки) оркестр получил признание и высокую оценку. Коллектив оркестра, составленный из квалифицированных музыкантов с большим стажем работы и талантливой, растущей молодежи, будет непрерывно совершенствовать свое мастерство.

Рождение Донецкого театра в замечательном, монументальном здании красноречиво свидетельствуют о неустанной заботе партии и правительства, гениального вождя народов товарища Сталина о росте культуры в нашей стране, в частности в социалистическом Донбассе» [9].

Все задействованные в этой опере артисты и музыканты с нетерпением ожидали каждого выхода на сцену. Особенно волновались те, кто был задействован в день премьеры. Исполнитель главной роли в день премьеры рассказывал: «На мою долю в этом спектакле выпала трудная, но благородная задача: создать образ пламенного патриота, народного героя Ивана Сусанина, отдавшего свою жизнь за родную отчизну.

За четверть века работы на сцене мне пришлось исполнять до 60 ролей в различных операх. В том числе оперных партий, которые я особенно люблю, партия Ивана Сусанина занимает видное место. И хотя события, которые нашли поэтически-музыкальное выражение в опере, происходили более 300 лет тому назад, они, несомненно, близки сердцу советских граждан, которым понятен глубокий смысл сусанинских слов:

«Страх не страшусь,
Смерти не боюсь,
Лягу за родную Русь» [9].

Поэтому довольно знаменательно, что именно этой постановкой был открыт новый сезон в жизни музыкального театра.

Для успешной постановки премьерного спектакля старались не только артисты. Большая нагрузка пала на гримерно-парикмахерский цех, руководимый в то время Иваном Васильевичем Марченко. Очень много работали и костюмеры театра во главе с Анной Алексеевной Шифриной. За короткий отрезок времени они смогли создать 500 самых разнообразных костюмов для персонажей спектакля «Иван Сусанин». В фойе оперного театра был размещен симфонический оркестр.

Труд артиста и скрипача, танцора и бутафора, осветителя и гримера, режиссера и художника объединился одной общей целью. Музыка, движения, свет, краски, голоса – все это сливается воедино, чтобы создать яркое зрелище – музыкальный спектакль.

За всем неустанно следит Иосиф Михайлович Лапицкий – художественный руководитель. В программной статье, написанной специально в день открытия театра в газете «Социалистический Донбасс», И. Лапицкий подчеркивал: «Основным принципом нашего театра является настоящее отображение его названия «музыкальный театр». «Театр» – это насыщенное действие человека, который ярко передает голосом и пластикой, то про что он говорит или поет. «Музыкальный» – означает театр, где главную роль играет музыка» [8].

Эталоном для И. Лапицкого был МХАТ, творческий опыт которого он пытался перенести на музыкальный театр. Первоначально режиссер рассматривал постановку как художественную целостность, связанную с соединением вокального и сценического искусства. В этом взгляды И. Лапицкого схожи с позицией К. Станиславского по вопросам взаимодействия драматических и музыкальных элементов: «Действие на сцене, как и само слово, должно быть музыкальным. В движении есть свои легато, стаккато, ферматы, анданте, аллегро, пиано, форте и т. д. Темп и ритм действий должны отвечать музыке» [10].

Таким образом, можно сделать вывод, что открытие в г. Сталино музыкального театра – факт чрезвычайно показательный. В дореволюционном Донбассе не было ни одного постоянного театра. Работникам передвижных трупп, приезжавших изредка в шахтные и заводские поселки, полиция и хозяева предприятий чинили всяческие притеснения. Никакой речи не было и о художественной самодеятельности.

Открывшись 12 апреля 1941 г. Сталинский русский музыкальный театр проработал недолго. Уже в конце лета того же года, часть коллектива отправилась на гастроли, а точнее эвакуировалась из города. Вернулся коллектив музыкального театра только в начале 1944 г., а свою творческую работу начал 16 апреля.

Ссылки и примечания:

1. Степкин В.П. Полная история Донецка. – Донецк: Апекс, 2008. – 560 с.
2. Гаевой А.И. Возрождение хозяйства и культуры Ворошиловградской области. – Москва: Госполитиздат, 1944 г. – 46 с.
3. Давидович В.Е. Сущность культуры / В.Е. Давидович, Ю.А. Жданов; ред. Е.Я. Режабек; Северо-Кавказский научный центр высшей школы. – Б. м.: Издательство Рост, 1979 г. – 263 с.
4. Ермаков В.Т. Советская культура как предмет исторического исследования // Вопросы истории. – 1973 г. – №11 – С.30.
5. Киреева Т.И. Донбасс: культура и искусство / Киреева Т.И. – Донецк: Донеччина, 1999. – 301 с.
6. Социалистический Донбасс – 6 апреля 1941 г. – №81 – С.2.
7. Социалистический Донбасс – 11 апреля 1941 г. – №84 – С.3.
8. Социалистический Донбасс – 12 апреля 1941 г. – №86 – С.4 – 5.
9. Социалистический Донбасс – 15 апреля 1941 г. – №88 – С.1–5.
10. Шейгус, В. Культурное наследие Донбасса. Донбасс Опера [Текст]: [история театра (1932-2014)] // Республиканский Открытый краеведческий форум учащейся молодежи "Родной край: вчера, сегодня, завтра": мат. и тезисы выступлений. 2017 г. 148 с. – С. 54-56.

УДК 94(477.62):332.81«1943/1945»

Н.Н. Старченко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: starchenko.natalya@mail.ru

**ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ:
РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ ЖИЛИЩНОГО И КОММУНАЛЬНОГО
ХОЗЯЙСТВА В ГОРОДЕ СТАЛИНО (сентябрь 1943 – 1945 гг.)**

Аннотация

В статье на основе изучения новых архивных материалов исследуются проблемы жилищно-коммунального хозяйства города Сталино с момента освобождения города от немецкой оккупации до окончания Великой Отечественной войны (сентябрь 1943-1945 гг.). Анализируется деятельность органов власти в этой сфере, характеризуется состояние жилищного фонда, рассматриваются мероприятия проводимые для улучшения ситуации в жилищно-коммунальном хозяйстве.

***Ключевые слова:** Великая Отечественная война, Сталино, повседневная жизнь, жилищный фонд, коммунальное хозяйство, восстановление.*

Summary

The article examines the problems of housing and communal services of the city of Stalino on the basis of the study of new archival materials since the liberation of the city from German occupation until the end of the Great Patriotic War (September 1943-1945). The activity of the authorities in this area is analyzed, the state of the housing stock is characterized, the measures taken to improve the situation in the housing and communal services are considered.

***Keywords:** The Great Patriotic War, Stalino, everyday life, housing stock, public utilities, recovery.*

Современный период государственного строительства Донецкой Народной Республики сопровождается возрастанием роли исторических знаний, повышением интереса к практике и опыту прошлых лет. Исследователи все больше внимания уделяют рассмотрению проблем повседневности, отношениям личности и власти, настроениям и бытовым потребностям людей, поскольку без этого невозможно воспроизвести целостную картину исторического развития страны. Таким образом, изучение повседневной жизни населения является одной из актуальных проблем исторической науки.

Неотъемлемым этапом в исследовании повседневной жизни представляет собой изучение проблемы жилищного и коммунального хозяйства, анализ которой дает представление об условиях проживания, труда и отдыха человека.

Изучение истории советской повседневности позволит восполнить пробелы в отечественной историографии и углубит наши знания о последствиях Великой Отечественной войны для народа Донбасса и города Сталино, в частности.

Обращение к проблеме восстановления жилищного фонда и коммунального хозяйства послевоенного Сталино актуализируется также ввиду того, что она до этого времени практически не исследована.

Изучение условий жизни послевоенного города, в частности жилищной проблемы, началось еще в советское время. В этот период издавались, в основном, этнографические работы в которых описывалось жилье людей, методы их строительства, строительные материалы, обустройство и тому подобное. Например, особого внимания заслуживает коллективная монография «Материальная культура компактных этнических групп на Украине. Жилище» [1]. Также вопросы жилищных условий населения и состояния коммунального хозяйства освещались в трудах, посвященных советскому быту. Среди них стоит отметить монографию Л.А. Гордона, Э.В. Клопова и Л.А. О니кова [2]. Весомый вклад в исследование проблемы жилищно-коммунального хозяйства Донбасса сделали авторы коллективной монографии «История рабочих Донбасса» [3]. В указанных работах содержится ценный фактический материал, который можно использовать при исследовании данной темы. Однако стоит отметить, что работы советского периода, прежде всего, подчеркивали преимущества социалистического строя, преувеличивая темпы и результаты жилищного строительства и замалчивали о недостатках, среди которых проблема дефицита жилой площади и жилья.

На современном этапе развития исторической науки, большой вклад в исследование советской повседневности, внесли российские ученые Н.М. Козлова [4], Н.Б. Лебина [5], О.Ю. Зубкова [6], осветив в своих трудах также и жилищный вопрос в период послевоенного восстановления.

В определенной степени вопрос жилищно-коммунального хозяйства освещается в трудах историков Донбасса К.В. Кузиной и З.Г. Лихолобовой [7], А.С. Бобровского и В.Н. Никольского [8], А.А. Саржана [9], М.С. Герасимовой [10]. Однако, стоит отметить, что данный вопрос отдельно на примере города Сталино в исследуемый период не рассматривался.

Цель статьи – рассмотреть и проанализировать жилищные условия горожан и состояние коммунального хозяйства города Сталино, а именно – восстановление жилищно-коммунального хозяйства в ходе Великой Отечественной войны (сентябрь 1943-1945 гг.).

Город Сталино, переименованный в период немецкой оккупации в Юзовку, был освобожден советскими войсками в ночь на 8 сентября 1943 года.

В ожесточенных уличных боях бойцы Красной Армии разгромили противника и полностью очистили от немецко-фашистских захватчиков Сталино [11].

Благодаря быстрому наступлению Красной Армии войскам Третьего рейха не удалось полностью осуществить гитлеровский план «выжженной земли». И все же в период оккупации и особенно при своем отступлении фашисты разорили и разграбили город, промышленность и транспорт, сожгли все крупные здания и учреждения [12].

Руководствуясь постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 21 августа 1943 года «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», постановлением Государственного Комитета Обороны (ГКО) от 26 октября 1943 года «О первоочередных мероприятиях по восстановлению угольной промышленности Донбасса», партийные и советские органы, все трудящиеся города развернули борьбу за быстрейшее восстановление народного хозяйства [13].

Горисполкомом с первого дня изгнания немецко-фашистских захватчиков были созданы отделы: коммунального хозяйства, здравоохранения, народного образования, местной промышленности и социального обеспечения, при помощи которых организовывались ранее действующие предприятия, такие как водопровод, электросеть, трамвай, больницы, поликлиники, школы и т.д. [14].

Таким образом, с первых дней своей работы исполком Сталинского городского Совета с подведомственными ему предприятиями и отделами приступил к восстановлению разрушенного хозяйства Сталино, поставив при этом перед собой задачу – дать населению города воду, свет, торговую сеть, медицинскую помощь, общественное питание, охватить обучением. Выполнить данные обязательства нужно было в кратчайший срок.

При городском отделе коммунального хозяйства был создан жилищный отдел с домоуправлениями. Жилищным отделом проводилось взятие на учет квартир города, районов, а также производилось обследование состояния жилых домов для произведения ремонта и расширения жилплощади [15].

Так, по неполным данным, согласно архивным документам, в городе Сталино из наличия 5 237 домостроений разрушено – 1 567. При этом, разрушения указанных домостроений были произведены на 80-100%. Было также сожжено и разрушено 65 зданий частных домовладельцев [16]. Очевидно, что вышеуказанные цифры не являются точными, так как в то же время (по подсчету автора) только в трех из шести районах города – Буденновском, Кировском и Петровском были разрушены 1 242 жилых дома [17].

К числу серьезных мероприятий по приведению уцелевшего жилого фонда в удовлетворительное состояние и дальнейшего его сохранения, следует отнести следующее: ремонт окон и дверей, остекление, ремонт крыш, разбор стен сгоревших домов, подготовка печного хозяйства – топок, ремонт центрального отопления, канализации домов и т.п. В то же время в Сталино велись работы по размещению населения и учреждений. Так, по имеющимся данным, в уцелевшие жилые строения, в первую очередь шло заселение семей красноармейцев и

инвалидов Великой Отечественной войны, а также предоставлялись помещения для государственных учреждений [18].

Однако, согласно архивным документам, следует отметить, что подготовкой жилого фонда к зиме 1943/44 гг. районные Советы депутатов трудящихся занимались недостаточно. Указывалось также, что слабо организовывался ремонт жилищ силами самих же жильцов [19]. Кроме того, необходимо добавить, что 700 м² жилфонда города осенью 1943 г. было занято под военные госпитали, что существенно лимитировало жилфонд на дальнейшее [20].

Ключевым направлением в развитии социальной инфраструктуры Сталино и Сталинской области было выбрано, как жилищное строительство, так и вопросы улучшения условий жизни населения города, что в свою очередь требовало решения более широкого круга вопросов, связанных с развитием коммунального хозяйства (обеспечение населения топливом, проведение центрального отопления, водоснабжения, газификации, канализации и пр.) и транспортных объектов (городской транспорт и сопутствующие ему отрасли хозяйства).

После освобождения Сталино от оккупантов действительность состояла в том, что десятки тысяч горожан остались без крова и вынуждены были ютиться в подвалах, землянках, бараках и других лачугах. Было очевидно, что без обеспечения хотя бы минимальных жилищных условий невозможно было решение производственных задач. На необходимость восстановления жилого фонда для населения Донбасса было указано в постановлениях Государственного Комитета Обороны (ГКО) от 22 февраля 1943 года «О восстановлении угольных шахт Донбасса», от 23 мая 1944 года «О создании индивидуальной базы для массового жилищного строительства», а также в постановлении СНК СССР от 29 мая 1944 года «О мерах по восстановлению индивидуального жилого фонда в освобожденных районах и усилению индивидуального жилищного строительства в городах и рабочих поселках СССР» [21].

Возобновив свою деятельность, угольные предприятия, чтобы как-то пристроить пришедших на производство людей, использовали под жилье самые разные помещения. Широко использовались временные постройки – бараки. В уцелевших домах людей селили по две семьи в одну комнату. В административных зданиях рабочих размещали в подсобных помещениях, красных уголках и т.д.

Жилищная проблема, возникла также и у тех людей, которые жили в Сталино до оккупации. Возвращаясь с фронта, эвакуации или немецкого плена, многие узнавали, что их дома либо разрушены, либо заняты другими семьями. В массовых заявлениях и жалобах, адресованных чиновникам, люди жаловались на аварийное состояние домов и квартир, просили помощи их отремонтировать, обращались с просьбами дать жилье или решить имущественные споры [22].

Советское руководство не могло не отреагировать на жилищный кризис. Хотя среди государственных приоритетов социальная сфера, в частности жилищное строительство, никогда не находилось на первом месте, все-таки принимались меры по улучшению ситуации в жилищно-коммунальном хозяйстве: готовились соответствующие нормативные акты, выделялись средства для капитального строительства и ремонта жилищного фонда, развития коммунальных служб.

Строительство и восстановление жилья и культурно-бытовых зданий в первые месяцы после освобождения шло достаточно быстро. На комбинате «Сталинуголь» в течение IV квартала 1943 года было отстроено 60 186 м² в домах квартирного типа и 440 м² в бараках. Из этого объема силами комбината «Сталинуголь» восстановлено 29 135 м² жилья [23]. Качество сдаваемых помещений было низким. Зачастую восстановление жилья представляло собой поверхностный ремонт находившихся в очень плохом состоянии зданий. Поэтому часть помещений постоянно приходилось сносить из-за того, что они приходили в полную непригодность.

Несмотря на потери жилого фонда, при таких темпах строительства можно было в короткий срок обеспечить минимальные условия жизни шахтерам. В Донбасс и, в частности в Сталино, непрерывно шел приток рабочих из других регионов. Этим рабочим необходимо было обеспечить крышей над головой. Поэтому руководство предприятий важное место отводило строительству общежитий, перепрофилированию под них зданий. По мере увеличения новых рабочих повышалось значение общежитий. Если 1 января 1944 года в общежитиях комбината «Сталинуголь» проживало 4 810 человек, то к середине марта – 41 790 человек [24].

Кроме общежитий, рабочих селили в частные квартиры, арендованные предприятиями у владельцев. Кроме того, часть шахтеров, как кадровых, так и новых, временно размещалась в приспособленных под жилье помещениях – банях, административных зданиях, детских садах. Такая структура размещения людей за годы войны практически не претерпела изменений, несмотря на достаточно энергичные меры по строительству нового жилья, ремонту и благоустройству старого. Все эти усилия сводились на нет все возрастающим притоком новых рабочих насильственно привлекаемых на шахты.

Среди людей, занятых в угольной промышленности, существовали значительные различия в степени обеспечения жильем. Сравнительно лучше были обеспечены инженерно-технические работники, некоторые категории служащих, кадровые рабочие. В целом же, к концу 1944 года, ситуация с жильем оставалась сложной, бытовые условия населения улучшались медленно.

В отчете о проделанной работе по Сталинской области за 1944 – первое полугодие 1945 гг. секретарь Сталинского обкома КП(б)У Л. Мельников докладывал, что за указанный период было восстановлено и заново построено 1200 тысяч м² жилой площади, принадлежащей местным Советам, предприятиям

и учреждениям. Восстановлено и заново построено трудящимися 730 тысяч м² лично им принадлежащей жилой площади [25].

В то же время, 1945 год не стал годом существенного изменения условий жизни горожан. Обеспеченность жильем не улучшилась, а наоборот ухудшилась. В качестве основной причины неудовлетворительного строительства жилья относилось то, что строительные организации осуществляли работы в условиях дефицита строительных материалов, недостаточного финансирования или нерационального распределения материальных ресурсов. Необходимость выполнения запланированной работы в ограниченные сроки приводила к тому, что в эксплуатацию часто сдавалось некачественное жилье без предварительного приема его соответствующей комиссией. Поэтому планы жилищного строительства часто не выполнялись.

Одними из важнейших, являются сведения о развитии системы коммунальных услуг: электрификации, водоснабжении, газификации, канализации, системы центрального отопления.

Сразу после освобождения города, по коммунальному хозяйству, в первую очередь, были организованы ранее действующие предприятия по обслуживанию населения, на которых велись восстановительные работы с расчетом постепенного роста размера предоставления услуг населению довоенного уровня [26].

В рассматриваемый период населению города пришлось столкнуться с значительным количеством проблем коммунального характера. Прежде всего, в городе существовали большие проблемы с водоснабжением. Необходимо подчеркнуть, что дефицит воды является характерной чертой Донецкого края, в котором нет крупных водных артерий, за исключением реки Северский Донец.

Немецко-фашистскими захватчиками были разрушены и выведены из строя основные источники снабжения населения города и районов водой. При отступлении оккупантами были взорваны главные водоисточники «Кипучая криница» и «Широкая», пожаром уничтожены первый и второй подъемы, уничтожены две насосные станции подачи технической воды и четыре насосных станции питьевой воды [27]. Донбассводтрест с первых дней своей организации приступил к восстановлению разрушенных источников и уже 16 сентября 1943 года в центральной части города была вода [28]. Известно, что вода населению Сталино подавалась с Щегловских скважин, дебет которых составлял 3000 м³ в сутки. Совершенно очевидно, что Щегловская скважина снабдить население водой была не в состоянии, поэтому основная часть горожан продолжала пользоваться водой из колодцев [29].

Тем не менее, по мере возможностей, городским водопроводом был проведен ряд неотложных восстановительных работ для приема и распространения воды от Донбассводтреста и расширению местных временных источников водоснабжения, что дало возможность хотя бы частично обеспечить население Сталино водой.

Перед руководством города стоял вопрос восстановления канализационных сетей. Хотелось бы отметить, что до июня 1941 года через канализационную сеть пропускали до 7 000 м³ стоков, которые проходили очистку в специальных очистных сооружениях и использовались для орошения полей совхозов. Во время оккупации, практически вся канализационная сеть Сталино была разрушена. После освобождения города от оккупантов, с сентября по ноябрь 1943 года был произведен ремонт смотровых канализационных колодцев, произведено укрепление коллекторов, с устройством бытовой стройки, очищены канализационные домовые вводы и прочее [30]. Но, чтобы полностью решить вопрос восстановления канализационных сетей, требовалось немало времени и ресурсов.

Важную роль имели поставки электроэнергии в город. По имеющимся данным, электроэнергию в городе дали 9-10 сентября 1943 года Разрушенные подстанции электросети, требующие восстановления, до войны находились в ведении Донэнерго. Следует отметить, что Донэнерго Сталинского района имело 2 электростанции – Рутченковскую, мощностью в 15 000 кВт и Красноармейскую мощностью 8 000 кВт [31].

После изгнания немецко-фашистских захватчиков из Сталино, для того, чтобы дать энергию городу, хотя бы в минимальных размерах, горэлектросетью была установлена временная дизельная установка на подстанции №1 мощностью 10 кВт, которая обеспечивала в первую очередь, основные учреждения города [32]. Примечательно, что к 1945 году электроосвещение имелось во всех квартирах и общежитиях, но не везде имелось электроосвещение на улицах города и рабочих поселках [33].

К восстановлению хозяйства городской газификации приступили с опозданием, только в конце октября 1943 года, из-за позднего подбора специалистов этой отрасли. К середине декабря дать городу газ обязался Коксохимзавод №15 – основной поставщик газа для бытовых целей. Поэтому, перед горисполкомом стояла большая работа по восстановлению газификации к указанному сроку. Для этого требовались дополнительно рабочие, материалы, инструменты, что было осуществимо только при помощи обкома КП(б)У и облисполкома [34]. Уже через семь с половиной месяцев после освобождения города Сталино было отремонтировано 38 км газонесущей сети, была запущена газоочистительная станция, и первые триста квартир получили газ [35]. Но в основном, население города продолжало использовать для обогрева жилья печное отопление.

Чрезвычайно острой проблемой в исследуемый период являлась борьба с антисанитарией, что было связано с неудовлетворительным вывозом мусора. Так, жители рабочего поселка Куйбышевского района жаловались, что нет мусорных ящиков, весь мусор вываливается в разрушенные дома, при этом указывая, что мусор и нечистоты с поселка почти не вывозятся из-за отсутствия транспорта и они вынуждены их закапывать на месте [36]. Многочисленные

жалобы свидетельствуют о том, что данный вопрос не рассматривался руководством города и предприятий в качестве первостепенной важности.

Из сказанного ранее вытекает, что в период восстановления города Сталино в ходе Великой Отечественной войны (сентябрь 1943 – 1945 гг.) сложилась кризисная ситуация в сфере жилищно-коммунального хозяйства. События и факты показывают, что несмотря на предпринятые усилия не удалось, в обозначенный период, полностью восстановить объекты жилищно-коммунального хозяйства по сравнению с довоенным периодом. Решение этой проблемы стало возможным только в ходе выполнения четвертого пятилетнего плана (1946-1950 гг.) и в период послевоенного восстановления.

Ссылки и примечания:

1. Материальная культура компактных этнических групп на Украине. Жилище / Отв. ред. М.Г. Рабинович. М.: Наука, 1979. 192 с.
2. Гордон Л. А., Клопов Э. В., Оников Л. А. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. – М.: Знание, 1977. – 159 с.
3. История рабочих Донбасса. В 2-х т. – Т. 2: Рабочие Донбасса в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму / Глав. ред. Ю.Ю. Кондуфор. – К.: Наукова думка, 1981. – 432 с.
4. Козлова, Н.Н. Советские люди (сцены из истории). М.: Издательство «Европа», 2005. – 527 с.
5. Лебина, Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. – 488 с.
6. Зубкова, Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 / Е. Ю. Зубкова. – М.: РОССПЭН, 2000. – 229 с.
7. Кузіна К.В., Лихолобова З.Г. Соціально-економічні процеси у монопрофільних шахтарських містах Донбасу (1950-1980-ті роки). – Донецьк, 2010. – 335 с.
8. Бобровський А.С., Нікольський В.М. Соціальна політика радянської держави та її реалізація в Донбасі у 1943 – середині 1960-х років / А.С. Бобровський, В.М. Нікольський. – Донецьк: Норд-Пресс, 2008. – 245 с.
9. Саржан А.О. Зміни в соціально-економічній сфері Донбасу. Друга половина 40-х – кінець 80-х рр. ХХ ст. / А.О. Саржан. – Донецьк: Лебедь, 2004. – 412 с.
10. Герасимова М.С. Повсякденне життя населення Донбасу в 1945-1953 рр.: Дис. на здоб. наук. ступ. канд. іст. наук (07.00.01) / Наук. кер. О.В. Стяжкіна; Донец. нац. ун-т. Донецьк: ДонНУ, 2007. – 280 с.
11. Сообщения Советского Информбюро. – М., 1944-1945. Том 5. Июль-декабрь 1943 г. – М., 1944. – С. 118.
12. Государственный Архив Донецкой Народной Республики (далее ГА ДНР). – Ф. 18. Оп. 5. Д. 66. Л. 1; Ф. 18. Оп. 5. Д. 75. Л. 1; Ф. 326. Оп. 2. Д. 37. Л. 19.

13. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 - 1953). В двух частях. Часть 2 (1925-1953). М.: Политиздат, 1953. С. 980-1017; Постановление Государственного Комитета Обороны, 26 октября 1943 г. «О первоочередных мероприятиях по восстановлению угольной промышленности Донецкого бассейна» / Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам в 4-х томах. Т. 2. – М.: Госполитиздат, 1957. – С. 802-815.
14. ГА ДНР. Ф. 18. Оп. 5. Д. 75. Л. 2.
15. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 52. Л. 30.
16. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 52. Л. 36.
17. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 52. Л. 17,19.
18. ГА ДНР. Ф. 18. Оп. 5. Д. 75. Л. 3; Ф. 326. Оп. 2. Д. 52. Л. 59.
19. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 52. Л. 59.
20. ГА ДНР. Ф. 18. Оп. 5. Д. 255а. Л. 44.
21. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В пяти томах (1917-1967). Т. 3 (1941 - 1952). – М.: Политиздат, 1968. – С. 95-97, 200-207.
22. ГА ДНР. Ф. 18. Оп. 5. Д. 265. Л. 40.
23. Кравченко Э.Л. Жилищные условия шахтеров Донбасса в 1943-1945 гг. // Новые страницы в истории Донбасса: Ст. Кн. 5 / Глав. ред. З.Г. Лихолобова. Донецк, 1997. С. 136.
24. Кравченко, Э.Л. Указ. труд. С. 136.
25. ГА ДНР. Ф. Р-4674. Оп.1. Д. 23. Л. 14.
26. ГА ДНР. Ф. 18. Оп. 5. Д. 75. Л. 2.
27. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 52. Л. 59.
28. ГА ДНР. Ф. 18. Оп. 5. Д. 75. Л. 2.
29. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 52. Л. 14, 30.
30. ГА ДНР. Ф. 18. Оп. 5. Д. 75. Л. 2.
31. ГА ДНР. Ф. 18. Оп. 5. Д. 75. Л. 1; Ф. 18. Оп. 5. Д. 66. Л.70.
32. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 52. Л. 14, 30; Ф. 18. Оп. 5. Д. 122. Л. 2.
33. ГА ДНР. Ф. 18. Оп. 5. Д. 122. Л. 4.
34. ГА ДНР. Ф. 18. Оп. 5. Д. 75. Л. 4.
35. Столица Донбасса возрождается // Социалистический Донбасс. 1944. 26 апреля. С. 2.
36. ГА ДНР. Ф. 18. Оп. 5. Д. 122. Л. 8; Ф. 18. Оп. 5. Д. 122. Л. 4.

УДК 94:725.578(477.62)"1950/1960"

М.А. Соловей

кандидат исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: valkyr-mariya@yandex.ru

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ДЕТСКИХ ДОМОВ В ДОНБАССЕ В ГОДЫ ХРУЩЕВСКИХ РЕФОРМ

Аннотация

В статье проанализированы качественные и количественные изменения в сети детских домов Донбасса во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. Показано, что массовое создание школ-интернатов вместо детских домов привело к неоправданной ликвидации прежней системы образования, воспитания и социальной адаптации детей-сирот.

Ключевые слова: детский дом, интернат, сироты, воспитание.

Summary

The article analyzes the qualitative and quantitative changes in the network of orphanages in Donbass in the second half of the 1950s – the first half of the 1960s. It shows that the mass creation of boarding schools instead of orphanages led to the unjustified elimination of the former system of education, upbringing and social adaptation of orphaned children.

Keywords: orphanage, boarding school, orphans, upbringing.

Проблема социальной защиты детей-сирот существовала на всем протяжении советской истории. Государственная политика помощи детям-сиротам менялась в зависимости от социально-политической ситуации в стране, степени вовлеченности общественности и других факторов. Не все реорганизации и нововведения в этой сфере были одинаково успешны, однако в целом был накоплен большой опыт организации социальной защиты детей-сирот, который нельзя игнорировать.

В данной статье мы ставим перед собой цель проанализировать реализацию и последствия одного из наиболее спорных решений в системе общественного призрения детей – преобразования детских домов в школы-интернаты.

Историография проблемы небогата, поскольку историки в основном изучали социальную политику государства в отношении детей-сирот в 1920 – 1940-е гг. Лишь недавно появились конкретные работы, посвященные реорганизации детдомов в ходе хрущевских преобразований. В трудах В.М.Волохатовой [1], М.Р.Зезиной [2], Г.М.Ивановой [3] фактически впервые в сравнительном плане

говорится о работе детдомов и пришедших им на смену интернатов. Однако эти немногочисленные исследования лишь в общих чертах обрисовывают результативность деятельности школ-интернатов и не акцентируют внимания на проблемах, вызванных закрытием детдомов.

Источниковой базой данной статьи стали документы фондов госархивов Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики.

Массовая детская беспризорность, возникшая в СССР в годы Великой Отечественной войны, в основном была преодолена к середине 1950-х годов. Большинство сирот оказалось в детских домах, часть попали под опеку или усыновление. Количество детей, нуждавшихся в попечении государства, с каждым годом уменьшалось, поскольку дети, потерявшие родителей в годы войны, подрастали, а понятия «социальное сиротство», сегодня хорошо знакомое каждому, тогда практически не существовало. Поэтому в детских домах удалось преодолеть скученность и организовать воспитанникам сравнительно неплохое материальное обеспечение. Все это было заслугой местных органов власти, которые нередко становились инициаторами создания ведомственных, колхозных детдомов и принимали активное участие в решении их проблем. Однако со второй половины 1950-х гг. в рамках хрущевских реформ начались реорганизации, которые к 1965 г. фактически разрушили сложившуюся ранее сеть детдомов.

Начиная с 1956 г. министерство образования взяло курс на ликвидацию разнообразия детских домов. Во-первых, к 1957 г. были полностью ликвидированы специальные детские дома, созданные в 1943 г. для воспитания детей-сирот погибших воинов и партизан. Их на тот момент оставалось немного – по три в Сталинской и Ворошиловградской (с 1958 по 1970 гг – Луганской) областях. Это объяснялось тем, что большинство их воспитанников уже достигли 14-летнего возраста и были направлены на обучение в ФЗУ или на работу, под присмотр трудовых коллективов. Не достигшие выпускного возраста дети «спецконтингента» были переведены в детдома общего типа.

Во-вторых, с целью преодолеть подчиненность разным ведомствам был взят курс на передачу всех детских домов при промышленных предприятиях под контроль министерства образования. Эта идея была сформулирована в материалах XX съезда партии, а позже конкретизирована в приказах облОНО. При этом отмечалось, что «многоведомственность негативно сказывается на работе детских домов», поэтому ее ликвидация «даст возможность улучшить контроль и управление, более рационально использовать средства и помещения». В Сталинской области в это время насчитывалось 19 ведомственных детских домов, в которых содержалось 1680 воспитанников» [4].

Областной отдел народного образования, стремясь быстрее выполнить решения съезда, издал 26.03.1956 г. приказ, в котором наметил завершить переподчинение детдомов до июля 1956 г. [5]. Конечно же, закончить такую реорганизацию в трехмесячный срок было нереально. Не удивительно, что процесс растянулся на много лет: в 1957 г. в области оставалось 14 ведомственных детских домов, в 1959 – 12, в 1962 – 6, а в 1964 – 2 [6].

В Ворошиловградской области на 01.01.1956 г. оставалось всего 7 ведомственных детских домов, в которых воспитывалось 724 человека. облОНО не спешил с их ликвидацией, поскольку детдома министерства образования в области и без того были переполнены. Однако под давлением министерства процесс ликвидации многоведомственности все же начался: в 1958 г. были закрыты два ведомственных сиротинца; в 1959 – еще три [7]. Их воспитанники были частично переведены в детдома облОНО и вновь созданные школы-интернаты, а частично устроены на учебу в ремесленные училища.

Но, несмотря на принятые меры, быстро полностью ликвидировать «многоведомственность» детских домов в Донбассе не удалось: к 01.01.1960 г. в регионе все еще оставалось 13 самостоятельных детдомов при предприятиях и колхозах (11 – в Сталинской области и 2 – в Луганской). Не закончился процесс и к началу 1965 г. – к этому времени таких детдомов оставалось в Донбассе три.

Переподчинение детдомов сопровождалось неоправданным закрытием многих из них, поскольку предприятия не хотели передавать свои помещения и имущество под контроль отделов народного образования. Это привело к сокращению и без того недостаточной сети детдомов и росту скученности воспитанников в них.

Негативными последствиями обернулось также укрупнение сиротских учреждений, начавшееся в 1955 – 1956 учебном году. Проводилось оно с целью обеспечения воспитанникам более комфортных условий существования. Поэтому небольшие детские дома, расположенные в непригодных для этого помещениях, закрывали, а детей из них переводили в другие, признанные комиссией облОНО соответствующими санитарным требованиям. Но, поскольку жилых площадей в них и так недоставало, скученность еще больше росла.

Дальнейшему ухудшению ситуации способствовало разрешение оставлять воспитанников в детдомах до окончания ими средней школы, т.е. до 18-летнего возраста, сформулированное в постановлении Совета Министров СССР от 09.08.1956 г. и продублированное на республиканском уровне в постановлении Совета Министров УССР от 14.09.1956 г. [8]. При этом имеющиеся жилые площади расширены не были. В результате этого значительно возросла загруженность сиротских учреждений. По состоянию на 01.01.1956 г. в 94 детдомах Донбасса, рассчитанных на 6 850 мест, реально содержалось 8 923 воспитанника [9]. Иными словами, их «перегруженность» составляла около 30%!

Тяжелая ситуация с детскими домами сложилась по всей УССР. Об этом было сказано в постановлении Совета Министров республики от 29.11.1957 г., констатирувавшем, что за три года министерство образования и исполкомы закрыли в республике более 100 детских домов, передав их помещения другим учреждениям. Среди областей, закрывших наибольшее число детдомов, называлась и Сталинская. Совет Министров обязал председателей исполкомов до 01.01.1958 г. устроить в детдома всех нуждающихся в этом детей. Соответствующие распоряжения областным отделам народного образования были даны в приказе министра образования УССР № 494 от 14.12.1957 г. [10].

В ответ Сталинский областной отдел народного образования направил в Госплан справку, в которой указал, что контингент, предусмотренный в плане на 1958 г., меньше имеющегося числа воспитанников детдомов. Кроме того, более чем 150 сирот ожидают своей очереди на определение в соответствующие учреждения. Поэтому облОНО просил увеличить плановые показатели и добился этого: вместо первоначально намеченных 3 000 мест предусмотрели 3 302. Вновь принятых воспитанников временно разместили в старых детских домах, к которым были срочно сделаны пристройки [11]. Критика со стороны Совета министров заставила областные органы власти немного повременить с дальнейшей ликвидацией сиротских заведений. Однако впоследствии процесс их активного сокращения вновь возобновился в связи с начавшейся в стране школьной реформой.

С 1959 г. начался новый этап в развитии детдомов – их решено было преобразовать в школы-интернаты. Именно так была сформулирована задача на семилетку в постановлении коллегии министерства образования УССР от 20.07.1959 г. «О постепенной реорганизации детских домов в школы-интернаты на протяжении 1959 – 1965 гг.» [12].

Идея перевода детей из семей на интернатское воспитание впервые была сформулирована в 1956 г. на XX съезде КПСС [13]. Однако тогда она не получила одобрения большинства делегатов съезда. Но Н.С.Хрущев вновь вернулся к ней в 1958 г. Поэтому школьная реформа, начатая в 1959 г., предусматривала быстрое развитие сети школ-интернатов по всей стране. В них должны были проживать и учиться не только сироты, но и дети из обычных полных семей, поскольку, по мнению Н.С.Хрущева, только в коллективе можно было воспитать настоящих строителей коммунизма. С годами численность интернатов должна была постоянно увеличиваться. Постановление ЦК КПУ и Совета Министров УССР «Про меры по развитию сети школ-интернатов» предусматривало до конца семилетки (1965 г.) довести количество учащихся в них до 2-х миллионов человек. В таких условиях школьные детские дома становились просто ненужными. Поэтому в 1959 г. процесс сокращения их числа ускорился. Предусматривалось сохранить только дошкольные, санаторные и смешанные детдома для одаренных детей [14].

Так, в Луганской области согласно решения облисполкома в 1959 г. в школы-интернаты следовало реорганизовать 6 детских домов. Всего же до конца семилетки в области планировалось создать 105 школ-интернатов на 32 тысячи человек. Большинство их намечалось открыть на базе реорганизованных общеобразовательных школ и детских домов [15].

В Сталинской области в интернаты планировалось перевести в 1959 г. – 21 тыс. детей, а до 1965 г. – 85 тыс. детей. Вначале главным «источником» пополнения интернатов должны были стать детские дома. Планировалось сразу же реорганизовать в интернаты 10 детских домов из 42, имеющихся в области. Еще 11 детских домов предусматривалось перевести в категорию интернатов для детей с физическими недостатками; 4 – закрыть из-за непригодности помещений. Оставшиеся 17 сиротских учреждений должны были продолжить работу как

санаторные и дошкольные детские дома. Школьных детдомов в планах на 1965 г. вообще не было [16].

«Первой ласточкой» реорганизации стал Краматорский детский дом – он был преобразован в интернат в 1959 г. Кроме того, «сверх плана» были реорганизованы еще 3 ведомственных детских дома – их воспитанников перевели на воспитание и проживание в интернаты. За период с 01.09.1959 г. по 01.02.1960 г. в пользование школ-интернатов в области было передано 5 зданий, ранее принадлежавшие детдомам. За это время численность школ-интернатов в области выросла на 11 единиц и достигла 53 [17]. Они продолжали «вытеснять» традиционные детские дома.

Министерство образования УССР требовало ускорить этот процесс, издав 04.07.1960 г. соответствующий приказ, в котором Луганская область была названа среди обеспечивших «плановый переход детей из детских домов в школы-интернаты», а Сталинская, наоборот, была раскритикована за «безответственное отношение к планам реорганизации».

Однако не всегда срыв планов преобразования детских домов в интернаты в Сталинской области был результатом безразличного отношения облОНО и облисполкома к решению высших органов. Иногда намеченные реорганизации наталкивались на трудности как объективного, так и субъективного характера. Так, например, в Жданове на базе детского дома не разрешили строительство многоэтажного здания интерната: мягкие грунты просто не выдержали бы его. Поэтому интернат построили в другом районе города. Однако старый детский дом при этом закрыт не был – он по просьбе местных органов остался в своем прежнем статусе в связи с большим количеством неустроенных воспитанников [18]. Но министерство, не вдаваясь в подробности, требовало ускорить процесс реорганизации.

Негативные последствия безусловного выполнения этого приказа на местах проявились достаточно быстро. Массовый перевод школьников из детских домов в интернаты привел к тому, что в действующих детских домах контингент воспитанников сильно ухудшился. Поэтому областные отделы народного образования обратили внимание министерства на этот факт. Так, в письме заведующего Сталинским облОНО тов. Евтухова начальнику отдела детских домов министерства тов. Ляпину отмечалось: «на протяжении 4-х лет в связи с открытием школ-интернатов в детские дома Сталинской области идет добор детей, которые не подлежат приему в школы-интернаты в соответствии с инструкцией... Министерства образования УССР от 01.07.1957 г.: переростки и дети с хроническими заболеваниями. Сейчас в 10 детских домах школьного типа из общей численности 1 300 воспитанников 830 являются переростками или хроническими больными».

Конечно же, качественное изменение контингента не могло не сказаться на учебных и воспитательных показателях детдомов. ОблОНО, оправдываясь перед министерством, объяснял: «воспитательная работа в детских домах осложняется в связи с тем, что сейчас в детдома поступают исключительно педагогически

запущенные дети, переростки, энуретики, которых не принимают в школы-интернаты, а также дети, исключенные из школ-интернатов за недисциплинированность. Так, на место 400 трудоустроенных в этом году детей было направлено 306 человек переростков, педагогически запущенных и энуретиков» [19].

Иными словами, в детских домах, которые до этого обеспечивали воспитанникам нормальные возможности для обучения и достаточную учебно-воспитательную работу, с 1960 г. нормальные дети оказались в меньшинстве и в явно нездоровом окружении. Поэтому школьные детские дома в результате начатых в 1959 г. реорганизаций быстро превратились в своего рода отстойники, где трудновоспитуемые и тяжелобольные подростки ожидали направления на работу, перевода в специальные школы для детей с физическими и умственными отклонениями или отправки в исправительно-трудовую колонию.

Понимая ненормальность такого положения, и получая многочисленные жалобы от местных органов народного образования, министерство предложило хотя бы развести больных и педагогически запущенных детей по разным коллективам. Приказом № 108 от 04.06.1960 г. оно рекомендовало организовать для них разные детские дома. Для оздоровления обстановки в коллективах сиротских учреждений министерство образования считало целесообразным прежде всего изолировать в специальных детдомах переростков. Это, по мнению чиновников, давало возможность организовать производственное обучение подростков и таким образом подготовить их к трудовой деятельности.

В ответ на эту рекомендацию Сталинский облОНО запланировал в 1960 г. открыть такой детдом для переростков на 130 мест на базе Ново-Желановского, расположенного в сельской местности и располагающего хорошим подсобным хозяйством. В нем предполагалось не столько учить педагогически запущенных детей, сколько давать им специальности: слесарей, токарей, квалифицированных сельскохозяйственных работников. Для детей школьного возраста, страдающих ночным недержанием мочи и другими хроническими заболеваниями, облОНО предложил создать 7 детских домов на 740 мест. Еще 7 детдомов на 625 мест в области решено было сохранить для дошкольников.

Таким образом, до конца семилетки завершилась ликвидация школьных детских домов. На наш взгляд, именно с этого момента можно говорить про разрушение всей сети детдомов, поскольку они перестали составлять систему заведений, дававших сиротам и полусиротам не только нормальные условия для проживания, но и образование, воспитание, профессию и социальную защиту. С 1965 г. среди детских домов преобладали заведения для слепых, глухонемых и умственно отсталых детей. В Сталинской области таких было 26 из 32 имеющихся, в Луганской – 13 из 14. В регионе также сохранилось 6 сиротинцев для воспитанников дошкольного возраста и 1 санаторный детдом. На этом сеть детдомов Донбасса исчерпывалась: исчезли школьные, смешанные, специальные, лечебные, ведомственные детские дома.

Ссылки и примечания:

1. Волохатова В.М. Сиротские учреждения Советской России: история становления и проблемы функционирования. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / В.М.Волохатова. - Москва, 2005. – 21 с.
2. Зезина М.Р. Обзор советской системы работы с беспризорностью (дет.дома, интернаты, спец.школы, колонии и т.д.) / М.Р.Зезина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gptu-navsegda.livejournal.com/694673.html>
3. Иванова Г. М. Мегапроект Хрущева - школы-интернаты: от утопии к реальности / Г.М.Иванова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/megaproekt-hruscheva-shkoly-internaty-ot-utopii-k-realnosti>
4. Госархив Донецкой Народной Республики (далее – ГА ДНР). Ф.Р-2852. – Оп.1. – Д. 487. – Л. 9-10.
5. ГА ДНР. Ф.Р-4349. – Оп.3. – Д.7251. – Л.13.
6. Соловей М.О., Лихачова Л.Б. Дитячі будинки Донбасу у 1943 – 1965 роках: Монографія / М.О.Соловей, Л.Б.Лихачова. – Донецк: Цифровая типография, 2010. - С.280.
7. Госархив Луганской Народной Республики (далее – ГА ЛНР). Ф.Р-2519. – Оп.10. – Д.214. – Л.42; Ф.Р-1067. – Оп.4. – Д.306. – Л. 50; Д.301. – Л.172.
8. Народное образование в СССР / под ред. И. А. Каирова и др. – М.: Изд-во АПН, 1957. – С. 338 – 339.
9. ГА ДНР. Ф.Р-2852. – Оп.1.– Д.469. – Л.41; Д.464. – Л.2; ГА ЛНР. Ф.Р-1067. – Оп.4. – Д.270. – Л.191.
10. Збірник постанов та розпоряджень уряду Української Радянської Соціалістичної Республіки. – 1957. – № 23. – С.214; ГА ДНР. Ф.Р-2794. – Оп.2. – Д.355. – Л. 54 (оборот); Ф.Р-2852. – Оп.1. – Д.475. – Л.2.
11. ГА ДНР. Ф.Р-2852.– Оп.1.– Д.472.– Л. 74; Ф.Р-4249.– Оп.3.– Д.8125.–Л.11.
12. ГА ДНР. Ф.Р-2852. – Оп.1. – Д.502. – Л.34.
13. КПСС о культуре, просвещении и науке: сб. док. / [сост. В. С. Викторов, А. С. Конькова, Д. А. Парфенов]. – М.: Политиздат, 1963. – С.58.
14. ГА ДНР. Ф.Р-2852. – Оп.1. – Д.483. – Л.92-93.
15. ГА ЛНР. Ф.П-311.–Оп.3. – Д.135. – Л.1,2,13; Ф.П-179. – Оп.5. – Д.816.– Л. 9.
16. ГА ДНР. Ф.Р-2852. – Оп.1. – Д.483. – Л.92-93; Д.487. – Л.21-22.
17. ГА ДНР. Ф.Р-2852. – Оп. 1. – Д.490. – Л.51; Д.502. – Л.24; Ф.Р-4249. – Оп.3. – Д.9525. – Л.1, 12, 32, 35.
18. ГА ДНР. Ф.Р-2852. – Оп.1. — Д. 472. – Л. 24, 25, 38, 39; Д. 490. – Л.81-82.
19. ГА ДНР. Ф.Р-2852. – Оп.1. – Д. 490. – Л. 60, 131.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94:339.9.012.435(410) "16/17"

К.М. Рязанов

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: kir2thegreat@gmail.com

ИЗ ОПЫТА ПРОТЕКЦИОНИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ АНГЛИИ В СЕРЕДИНЕ XVII – XVIII ВВ.

Аннотация

В статье рассматриваются протекционистские законы Великобритании, принятые в период сер. XVII–XVIII вв. Обращается внимание на сферы экономической деятельности, затронутые законами, характер регулирования как торговых отношений внутри империи, так и корректирования цен на ввозимые товары, отмечаются последствия развития для городских центров.

Ключевые слова: Англия, протекционизм, торговля, Лондон, внутренняя политика.

Summary

The article deals with the protectionist laws of Great Britain adopted in the period of the middle of the XVII-th – XVIII-th centuries. Attention is drawn to the areas of economic activity affected by laws, the nature of the regulation of both trade relations within the empire and the adjustment of prices for imported goods, the consequences of development for urban centers are noted.

Keywords: England, protectionism, trade, London, domestic politics.

В современном мире торговля играет важнейшую роль. Каждая страна вырабатывает собственное торговое законодательство для поддержки внутреннего производства. Вместе с тем, в мире формируются торговые блоки, которые должны облегчать экономическое взаимодействие между странами. В XVII – XVIII вв. торговля играла важную роль в процессе становления капиталистических отношений: направляла поиски новых путей и рынков сбыта произведенной продукции, способствовала созданию правовых норм и принципов, регулирующих торговую деятельность. Динамичность эпохи и масштабы торговли требовали соответствующей законодательной реакции.

В то же время государство должно было принимать меры, обеспечивающие поддержку и защиту собственной экономики от иностранной конкуренции, в т.ч. и законодательные, что сформировало политику протекционизма [1].

Целью работы является рассмотрение опыта протекционистской политики Англии в условиях жесткой конкуренции со стороны центральных европейских держав.

Протекционистское законодательство, в данном случае, выступает в качестве источника для выявления и изучения внутривнутриполитических проблем государства, эволюции социально-экономических отношений в преддверии научного, урбанистического и промышленного рывка Великобритании.

Данная проблематика затрагивалась в ряде работ отечественных и зарубежных авторов. Прежде всего, следует отметить британского экономиста Адама Смита – основателя классической политэкономии, который не мог обойти вниманием политику собственного государства, в первую очередь выступая против его протекционистских мер [2].

А.Л.Мортон, рассматривая историю Англии, уделяет немалое внимание экономическим и дипломатическим аспектам жизни государства в разные периоды его существования, в том числе и эпохе XVII-XVIII вв. [3].

Большую работу по изучению политики меркантилизма и экономики в европейском пространстве в период с 1600 по 1750 гг. провел И. Валлерстайн [4]. Он проводит свои исследования периода в рамках мир-системного анализа, уделяя большое внимание количеству обрабатываемой земли, городской промышленности и обороту денежной массы. На основе описанных выше показателей, у автора Англия, Франция и Голландия занимают центральное место, а Испания, Италия, Германия и др. страны Европы «полу-периферийное положение».

Глубокое аналитическое исследование социально-экономического развития Англии принадлежит Ч. Вилсону, который особое внимание уделил промышленности, внутренней и внешней торговле, развитию Лондона, денежной и социально-экономической политике в 1603-1763 гг. [5].

В отечественной историографии изучением политики английского меркантилизма занимался И.С. Плотников [6]. Необходимо выделить работу А.В.Чудинова, рассмотревшего достаточно подробно как сам вопрос политики меркантилизма, так и его историографию [7], и позиции ряда авторов: М.А. Барга, Ф. Броделя, И.С.Плотникова, М.Г. Осокина, Г.Н. Гришняева и других, по вопросу экономической политики XVII-XIX вв.

Также интересна работа М.Г. Осокина об экономической мысли в Англии XVII в. затрагивающая данный вопрос в развитии экономических идей представленного периода, которые английская элита берет на вооружение [8].

Источниками по данному вопросу являются навигационные акты [9] правительства, как основополагающие документы страны во внешнеторговых связях. Однако, не менее важными, являются точечные меры правительства, представленные законами: о гербовом сборе [10], о валюте [11], о таможене [12] или «Железным актом» лорда Галифакса [13].

Говоря о торговых отношениях, необходимо сказать, что с успехом географических открытий, колонизацией новых территорий и развитием океанической торговли активно развиваются города, расположенные на побережье.

Прибрежный город, стоящий на реке, являлся прекрасным связующим звеном между регионами, как во внутренней, так и во внешней торговле.

В торгово-политическом пространстве нового времени доминировала политика протекционизма, берущая свои начала в идеях меркантилизма. Впервые сформировавшаяся итальянскими торговыми республиками, она показала свою эффективность в средиземноморском регионе. Ее основными положениями можно назвать:

- высокие ввозные пошлины, особенно на промышленные/ремесленные товары;
- запрещение колониям торговать со всеми, кроме метрополии;
- монополизация рынков;
- запрет на экспорт драгоценных металлов;
- максимальное использование внутренних ресурсов и стимулирование внутреннего производства [14].

Правительство английского государства очень активно принимало протекционистские законы. Так, с целью устранить конкуренцию для внутренней шерстяной промышленности, был запрещен ввоз шерсти из Голландии и Франции [15]. Также английское торговое законодательство регулировало цены на хлеб [15]. С 1700 г. был введен запрет на ввоз хлопчатобумажных тканей из Индии, Ирана и Китая, качество которых было выше, но законодательное повышение цен на них сохранило родную английскую хлопчатобумажную промышленность и дало ей шанс на дальнейшее развитие [15].

Протекционистское законодательство развивалось постепенно. Становление капиталистических отношений подталкивало буржуа Англии к ужесточению государственного контроля над торговлей.

Важнейшими протекционистскими законами, которые постоянно обновлялись и дополнялись, были навигационные акты. Данные акты Великобритании позволяли удерживать в своих руках монопольную торговлю внутри своих территориальных владений.

Один из них – «An Act for the Encourageing and increasing of Shipping and Navigation» – был принят в 1660 г. На основании данного Акта: «No Goods shall be imported to or exported from Asia, Africa, or America, but in English Ships, and Master and Three-fourths of Mariners English.; Penalty.; Admirals, &c. empowered to seize and bring in as Prize all Ships offending.; Proceedings in case of Condemnation» [9].

Закон свидетельствует о жесткой протекционистской политике в области торговли и судоходства, так как экипажи должны состоять на $\frac{3}{4}$ из англичан, включая капитана, который обязан был предоставить бонд (контрактная облигация). Наказанием служила конфискация судна и товара. Управляющие британскими колониями приносили присягу о соблюдении вышеупомянутого правила. В случае невыполнения они снимались с занимаемой должности [9].

Закон определил товары, имевшие значение для английской экономики, и которые запрещено было производить в метрополии: табак, сахар, индиго, имбирь,

красители и др. Лицам неанглийского происхождения запрещалось заниматься торговлей [9].

Но, несмотря на потребность английского государства в табаке, метрополия приняла закон в том же 1660 г. о запрете посадки или посева табака в Англии и Ирландии. Запрет был очень строгим, так как в случае обнаружения посевов, шерифы имели право незамедлительно перейти к его уничтожению. В случае оказания сопротивления, власти штрафовали нарушителя, а если у того не оказывалось средств, чтобы его оплатить, подсудимому грозило тюремное заключение [16]. Постановление было направлено на поддержание статуса колоний как производителей сырья. На внутреннем, английском рынке, это, с одной стороны, способствовало выращиванию традиционных сельскохозяйственных культур, необходимых Англии, а с другой, – стимулировало развитие овцеводства и производство шерсти, т.к. пастбища не занимались под посевы сверхприбыльного табака.

Важной вехой в политике стал «An Act for prohibiting the Exportation of Wooll Woolfells Fullers Earth or any kinde of Scouring Earth 1660», защищающий главную отрасль производства Англии. Его основное положение заключалось в следующем: «Ни одно лицо после 14 января 1660 г. не может экспортировать овец, шерсть, шерстяных овец, мортлингов, короткошерстных овец, пряжу, шерстяных стад, валяльную землю или валяльную глину; не перевозить, не грузить и не сажать на борт любую такую овцу, шерсть и т. д.» [17].

В том же 1660 г. был принят еще один акт – «An Act to prevent Fraudes and Concealments of His Majestyes Customes and Subsidyes». Закон вводил таможенные пошлины для субсидий королевских расходов. Также как и навигационные акты, не разрешал торговать не англичанам, при этом уточняя, что любой подданный «Его Величества», например, житель Ирландии, должен считаться именно английским дельцом. В случае донесения таможене о лице, нарушившем законодательство, офицеры таможни имели право взлома и проникновения в дом или на склад такого продавца. При этом, если кто даст ложное донесение на кого-либо, то будет обязан возместить ущерб пострадавшей стороне [18].

В 1663 г. правительство Англии приняло в парламенте навигационный акт о поощрении торговли. Данным документом власти страны устанавливали тотальный контроль над товарами, которые перевозились в ее колонии. По нему, все корабли, следовавшие в Америку и другие заморские владения, должны были пройти порты Англии, где они: разгружались, проверялись, утверждались к перевозке, уплачивались пошлины. Кроме того, товары должны были перевозиться на английских судах, что должно было стимулировать собственное судостроения. В случае перевозки хлопка или табака, необходимо было уплатить налоги [19].

С 1672 г. английский парламент принял меры для увеличения своего потенциала и производства в китовом промысле в районе Гренландии. Они были направлены на ослабление конкурентов – Голландию и Ганзу. Закон разрешал набирать большее количество иностранцев на свои суда и понижал пошлину для

английских кораблей. Торговля со Швецией, Данией и Норвегией разрешалась всем. Также разрешался допуск иностранцев в объединение купцов Истленда [20].

В 1696 г. контроль за торговлей был усилен. Король Вильгельм III издал обновлённый Навигационный акт, который требовал регистрировать все суда и их владельцев. Действие закона усиливалось клятвой судовладельцев, что они никак не связаны с иностранцами. Исключения составляли только корабли военно-морского флота, построенные не на английских верфях. В связи с проблемой коррупции и уклонения губернаторов колоний от таможенного сбора ужесточились требования к претендентам на должность губернатора, а сотрудники колониальной таможни получили права, равные с работниками метрополии, что говорит о том, что в колониях и таможенной службе будут агенты из Англии [21].

С 1694 г. начал свою историю Английский банк, возникший в следствии необходимости кредитования военных расходов правительства. Банк получил, но не сразу, исключительное право на выпуск банкнот и чеканку монет и стал играть важную роль в кредитно-денежных операциях страны, сделав Лондон финансовым центром [22].

Парламент, кроме крупных актов, принимал как навигационные, так и промежуточные законы. В 1733 г. приняли «Molasses Act» для защиты от французской конкуренции в торговле шерстью и мелассой [23].

В XVIII в., возглавляя комитет по торговле, лорд Галифакс продолжил политику протекционизма. В 1750 г. был принят «Железный акт», отменявший пошлины на ввоз чугуна из Америки в метрополию, при этом отменялись любые пошлины на чугун, ввозимый через порт Лондона. Любой металл, привезенный из колоний, должен был быть маркированным [13]. Дополнением к нему был «Закон о таможне» (1765 г.), отменивший маркировку металлических изделий. Он также убирал внутреннюю пошлину на кофе, но вводил ее для иностранных производителей, регулировал импорт лесоматериалов и вносил изменения в сахарную торговлю [10].

Серия законодательных актов, описанных выше, способствовала развитию портовых городов Англии, особенно Лондона, который являлся еще и одним из центров промышленного производства. Поэтому ввоз металла через лондонский порт поддерживал постоянное поступление сырья. Необходимость регулирования импорта кофе и сахара была продиктована сохранением производства в колониях и поддержанием прибыли от торговли данным видом товара внутри государства. Лесоматериалы использовались для постройки как военного, так и торгового флота страны, а, следовательно, являлись стратегическим ресурсом.

Великобритания поддерживала своих торговцев и законами о валюте, которые регулировали обращение бумажных денег в колониях. В 1751 г. метрополия ограничила возможность создания банков в Новой Англии, и тем самым, уменьшила эмиссию бумажных денег на данных территориях [11]. Второй вариант Закона от 1764 г. распространял действие Закона 1751 г. на все колонии Великобритании в Северной Америке, создавая трудности, связанные с нехваткой в колониях золота и

серебра [24]. Только третье прочтение закона (1773 г.) решало данную проблему и разрешало печатать в колониях бумажные векселя для оплаты долгов [25].

Продолжением и дополнением «Molasses Act» стал «Закон о сахаре» 1764 г. В связи с тем, что срок действия предыдущего акта истекал в 1763 г., а коррупция и уклонения от налога сделали его неэффективной мерой, была принята новая версия закона. В новом законе налог на сахар снизили, однако расширили список товаров иностранного производства, попадающих под налогообложение [26].

Важным для истории Великобритании стало принятие «Акта о гербовом сборе» 1765 г. Произошло подорожание гербовой бумаги, на которой велось торговое и гражданское делопроизводство. Закон встретил сильное сопротивление в колониях и был отменен уже через год [27].

После «Акта о гербовом сборе» в 1766 г. был принят «Декларативный акт», который должен был, как и подобный ему акт в отношении Ирландии, поставить колониальные администрации в большую зависимость от парламента Великобритании [28].

Обновленная версия закона о гербовом сборе – «Чайный закон» – только обострила взаимоотношения в британских колониях, особенно в американских. Сам закон изначально был направлен против контрабандного голландского чая, который массово потреблялся американскими колониями, а чай Ост-Индской компании лежал на складах Англии. Закон вводил протекционистские меры по отношению к британскому чаю. Однако это вызвало лишь возмущение колонистов [29].

Принятие закона о налогообложении колоний в 1778 г. было попыткой Великобритании остановить войну за независимость своих 13 колоний. Парламент Великобритании обещал не облагать пошлинами, налогами или сборами Британскую Америку и Вест-Индию. Метрополия обязывалась вводить только те пошлины и налоги, которые будут целесообразны и повысят доходы колоний. Закон был принят несвоевременно и не мог остановить войну за независимость американских колоний [30].

Рассмотрев представленные акты английского парламента, мы можем сделать следующее заключение. Во-первых, мы видим поддержку крупного капитала в лице торговых компаний со стороны государства путем законодательной защиты их интересов. Во-вторых, правительство защищает сырьевое производство в колониях от конкуренции внутри государства и специализацию метрополии – шерстяное, ткацкое производства. Развитие торговых отношений напрямую связано с закупкой недостающих лесоматериалов и необходимостью иметь собственные суда с английской командой на них. Оно также способствовало решению проблемы безработицы, т.к. рабочие руки нужны не только на самих торговых или военных судах. Не менее важным и многочисленным является персонал портов, а, значит, это частично, и хотя бы временно, понижало уровень внутриполитического напряжения и нарастание социального конфликта в представленный период.

Расширение торговых отношений, укрепление колоний в качестве сырьевого рынка, увеличение слоя рабочих – все это способствовало урбанизации страны. Усиление значения города в этот период было также связано с развитием

промышленности и науки, сосредоточенных именно в городах. В них же была сосредоточена деловая и финансовая деятельность государственных органов и торговых компаний. Государство протекционистскими мерами способствовало развитию городских центров, особенно главного для правительства – Лондона, сформировавшегося как важный центр социально-экономической и политической жизни всей империи и усилившегося именно в это время. Развитие Бристоля или Плимута, подчеркивает важность трансатлантической торговли для развития городской жизни прибрежных, а не только центрального, регионов страны, в чем сыграли немаловажную роль протекционистские законы парламента.

Ссылки и примечания:

1. Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949-1992. URL:<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/278518>
2. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. URL: [https://www.twirpx.com/file/2094668/..](https://www.twirpx.com/file/2094668/)
3. Мортон А.Л. История Англии / Пер. с англ. Н. Чернявской, ред. и вступ. статья А. Самойло. – М: Издательство иностранной литературы, 1950. – С.282.
4. Wallerstein I. The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy. New York – London, 1980.
5. Wilson C. England's Apprenticeship, 1603 – 1763. – New York, 1971
6. Плотников И. С. Меркантилизм и его разложение // Меркантилизм. – М.: Л., 1935.
7. Чудинов А.В. Экономическая политика английской абсолютной монархии в теории позднего меркантилизма. // Экономическая история: исследования, историография, полемика. – М.: Наука, 1992. – С. 26 - 42.
8. Осокин М. Г. Зарождение буржуазной экономической мысли в Англии в начале XVII в. Б.м., 1984. – 155 с.
9. Charles II, 1660: An Act for the Encourageing and increasing of Shipping and Navigation. URL: <https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol5/pp246-250>.
10. Text of Stamp Act. 1765. URL: https://ahp.gatech.edu/stamp_act_bp_1765.html.
11. Currency Act. 1751. https://books.google.ru/books?id=I643AAAAMAAJ&pg=PA306&vq=%22legal+tenders%22&source=gbs_search_r&redir_esc=y&hl=ru#v=onepage&q=%22legal%20tenders%22&f=true.
12. Customs Act. 1765. URL: <https://books.google.co.uk/books?id=vqZFAAAACAAJ&pg=PA334#v=onepage&q&f=false..>
13. Iron Act. 1750. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=pst.000022133328&view=1up&seq=20>.
14. Ядгаров Я. История экономических учений: Учебник для вузов. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/history_econom_science2/
15. Мортон А.Л. История Англии. // Пер. с англ. Н. Чернявской, ред. и вступ. статья А. Самойло. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1950. – С.282

16. Charles II, 1660: An Act for Prohibiting the Planting Setting or Sowing of Tobacco in England and Ireland. URL: <https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol5/p297..>
17. Charles II, 1660: An Act for prohibiting the Exportation of Wooll Woolfells Fullers Earth or any kinde of Scouring Earth. URL: <https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol5/pp293-296#h3-0002..>
18. Charles II, 1660: An Act to prevent Fraudes and Concealments of His Majestyes Customes and Subsidydes. URL: [https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol5/p250. .](https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol5/p250.)
19. Charles II, 1663: An Act for the Encouragement of Trade. URL: <https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol5/pp.449-452>.
20. Charles II, 1672: An Act for the incouragement of the Greenland and Eastland Trades, and for the better secureing the Plantation Trade. URL: [https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol5/pp792-793. .](https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol5/pp792-793.)
21. William III, 1695-6: An Act for preventing Frauds and regulating Abuses in the Plantation Trade. URL: [https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol7/pp103-107. .](https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol7/pp103-107.)
22. Закон о банке Англии 1694 г. URL: <https://www.legislation.gov.uk/aep/WillandMar/5-6/20/contents> .
23. The Molasses Act (An act for the better securing and encouraging the trade of his Majesty's sugar colonies in America). 1733. URL: [https://statutes.org.uk/site/the-statutes/eighteenth-century/1733-6-george-2-c-13-the-molasses-act/..](https://statutes.org.uk/site/the-statutes/eighteenth-century/1733-6-george-2-c-13-the-molasses-act/)
24. Currency Act. 1764. URL: [http://www.stamp-act-history.com/documents/text-of-the-currency-act-of-1764/..](http://www.stamp-act-history.com/documents/text-of-the-currency-act-of-1764/)
25. Currency Act. 1773. URL: https://books.google.ru/books?id=WrmXQpgrmfMAC&pg=PA113&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false .
26. The Sugar Act (The American Revenue Act). URL: [https://www.ushistory.org/declaration/related/sugaract.html. .](https://www.ushistory.org/declaration/related/sugaract.html)
27. Text of Stamp Act. 1765. URL: [https://ahp.gatech.edu/stamp_act_bp_1765.html. .](https://ahp.gatech.edu/stamp_act_bp_1765.html)
28. Declaratory Act (An act for the better securing the dependency of his majesty's dominions in America upon the crown and parliament of Great Britain.). URL: <https://www.battlefields.org/learn/primary-sources/declaratory-act>.
29. Tea Act. 1773. URL: <https://www.ushistory.org/declaration/related/teaact.html>.
30. Taxation of Colonies Act. 1778. URL: https://www.solon.org/Constitutions/Canada/English/PreConfederation/ctra_1778.html.

УДК 94: 327.82 (32)

А.В. Бредихин

доктор исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: kf.vsemir.zav@donnu.ru

А.С. Жиленкова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: jilenlova-nastia@mail.ru

РОЛЬ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ В МЕКСИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1910-1917 ГГ.

Аннотация.

Статья содержит краткий историографический материал, раскрывает основные аспекты влияния США на революционные процессы в Мексике. Дается краткое представление о ведущих деятелях США и Мексики, описываются механизмы влияния администраций Тафта и Вильсона на революцию, их итоги. Авторами обозначены основные причины и последствия активного влияния США, сделан обобщающий вывод о результатах действий США для Мексиканского государства.

***Ключевые слова:** США, Мексика, революция, внешняя политика.*

Summary

The article contains a brief historiographical material, reveals the main aspects of the US influence on the revolutionary processes in Mexico. It gives a brief idea of the leading figures of the USA and Mexico, describes the mechanisms of influence of the Taft and Wilson administrations on the revolution, their results. The author identifies the main causes and consequences of the active influence of the United States, and makes a generalizing conclusion about the results of US actions for the Mexican States.

***Keywords:** USA, Mexico, revolution, foreign policy.*

В начале XX века США усиливали свое присутствие в Латинской Америке. Это обуславливалось, во-первых, ростом промышленной мощи, потребности в рынках сбыта промышленной продукции и новых источниках сырья. Во-вторых, приобретением статуса мировой державы после испано-американской войны 1898 г. Перед США встала задача обеспечения

безопасности от внешних угроз и формирования сферы военно-политического влияния.

С началом Мексиканской революции, находившиеся у власти администрации Уильяма Тафта и Вудро Вильсона были вынуждены разработать такой подход к мексиканской проблеме, который сочетал бы военно-силовые, дипломатические, финансово-экономические методы защиты американских интересов. Американские вооруженные силы дважды (в 1914 и 1916 гг.) входили в Мексику, однако политика США не могла сводиться лишь к агрессии. Все это делает рассматриваемую тему весьма актуальной, поскольку в период мексиканской революции США впервые столкнулись с задачей поиска способов влияния на ход социально-экономических и политических перемен, происходивших в различных регионах. В этой связи Мексика сыграла роль «тренировочного поля», продемонстрировав необходимость использования целого комплекса мер воздействия на ситуацию в странах, охваченных революционными потрясениями, понимания местной специфики, влияющей на поведение правящих режимов. Так была заложена основа для выработки модели реагирования на процессы интенсивной социально-экономической и политической трансформации в развивающихся странах, которая формировалась в течение всего XX в.

В англо-американской историографии глубоко и разносторонне исследована реакция США на мексиканскую революцию. Несомненный интерес представляют работы, посвященные экономической стороне американо-мексиканских отношений. Главным объектом изучения в них является природа мексиканской националистической политики по отношению к иностранной собственности. Анализ военного аспекта американской внешней политики прослеживается в работах Дж. Свитемена [1], Р.Чэлленера [2] и Дж. Финнегана [3].

В мексиканской историографии исследуемой проблемы можно выделить три основных этапа. Первое сформировалось под влиянием идеологии «революционного национализма». Для работ данного направления, авторами которых являются А.Карреньо [4], И.Фабела [5], С.Сепульведа [6], Э.Лукин [7], Г.Гарсия-Канту [8] характерно обличение политики США по отношению к Мексике с точки зрения политических позиций. Резким неприятием деятельности революционеров, но одновременно и осуждением действий Белого дома проникнуты труды консерваторов. В частности, Х.Вера-Эстаньола [9] подчеркивал типичное для иностранцев грубое пренебрежение нормами международного права и стремление к превращению Мексики в полуколонию.

Мексиканская революция – крупнейшая и самая значительная революция в Латинской Америке с момента обретения независимости, и она стала международной проблемой, серьезно затрагивающей все «великие державы». Мексика считалась источником практически безграничных природных богатств и выгодных инвестиций. Революция стала настоящим испытанием для правящей элиты США. Мексиканское государство стало форпостом их экономической

экспансии в Латинской Америке, где граждане США составляли самую многочисленную категорию иностранных колонистов. Мексика сыграла важную роль в поддержании и укреплении военного и политического господства США в Западном полушарии.

Порфириат создал самые благоприятные условия для иностранных инвестиций. В основном это связано с внутривластной стабильностью режима. Многим зарубежным политикам и бизнесменам порфириат казался идеальным устройством, «невосприимчивым» к революционным потрясениям. Кризис режима Диаса весной 1911 года поставил вопрос о том, как управлять революционным процессом. В то же время республиканская администрация У. Г. Тафта руководствовалась идеей о необходимости принятия военных мер для снижения возможных угроз жизни и имуществу американских граждан. Такой подход к защите общих интересов США соответствует их философии «долларовой дипломатии». Его первым проявлением было развертывание 20-тысячной оперативной группы на границе с Мексикой [10].

Белый дом не поддерживал падение режима Диаса, но и не готов был брать на себя ответственность за ситуацию в Мексике. Вот почему администрация Тафта крайне осторожно реализовывала свою политику в отношении Мексики. Соединенные Штаты не препятствовали возникновению нового режима во главе с революционным и либеральным лидером Франсиско Мадеро и стремились максимально сохранить «статус-кво» к югу от своих границ. Его основное содержание заключается в запрещении поставок оружия и боеприпасов вооруженным группам, борющимся с режимом Мадеро под лозунгом «Завершение революции», и в отправке военных кораблей в мексиканские порты на границе. По отношению к сторонникам антимадеристских движений применялась политика «закона о нейтралитете», в то же время мексиканские консулы пользовались в США поддержкой чиновников, как гражданских, так и военных.

Эти меры были реализованы в процессе активного взаимодействия правительства, командования правоохранительных органов и Конгресса. Опыт президента Тафта на политической арене реального мира, его решения о характере военных организаций и его приверженность принципу разделения привилегий между исполнительной и законодательной ветвями власти оказали влияние. Внутривластные неурядицы администрации, отсутствие эффективного контроля над Конгрессом и противодействие некоторым важным внешнеполитическим инициативам также объясняют желание избежать активных действий в Мексике. В то же время на фоне повсеместного противодействия интервенции некоторое сотрудничество между мексиканскими республиканцами и демократами в этот период существовало.

Без прочного социального фундамента и на фоне внутренних противоречий, Мадеро не мог упрочить свою власть. По мере усиления вооруженной борьбы число беженцев в США продолжало увеличиваться, что вызвало бурю негодования среди американцев. Отношения между Вашингтоном

и Мехико постепенно ухудшались. Начиная с середины 1912 г. мексиканский конгресс и правительство предприняли первые шаги по ограничению привилегий иностранного капитала. Помимо законодательных мер, включая повышение налогов на экспорт сырья, имеет место незаконная конфискация имущества США. Некоторые исследователи считают, что мадеристы были непоследовательны в своей борьбе с иностранными привилегиями: они в основном носили пропагандистский характер, как и некоторые их антиамериканские заявления.

В феврале 1913 г. в Мехико вспыхнуло военное восстание, организованное представителями элит порфиристского режима, чьи позиции революция ослабила. Посол США Генри Лейн Уилсон, представлявший консервативные силы, поддержал переворот под руководством генерала Викторiano Уэрты и призвал Вашингтон как можно скорее признать новое правительство. Обеспокоенный тем, что переворот может стать началом гражданской войны, кабинет Тафта предпринял дополнительные шаги по повышению боеготовности армии и флота. Верховное командование США считало, что эти меры осуществляются в условиях полномасштабного вторжения, требующего значительных людских и материальных ресурсов, тем более, что силы США плохо подготовлены к таким операциям. Идею интервенции поддерживали некоторые военно-политические учреждения, но «долларовая дипломатия» была убеждена в ее пагубности [11].

С инаугурацией президента Вильсона в Белом доме в марте 1913 года политика США в отношении мексиканской революции вступила в новую фазу значительных изменений. Впервые за республиканскую эпоху власть перешла к демократам, не имевшим практического опыта решения внешнеполитических вопросов. Вильсон и его ближайшие советники твердо верили в необходимость интернационализации внешней политики США, сделав Соединенные Штаты «спасителем» на пути к успеху мирового лидерства. В публичных выступлениях президент осудил «привилегированные группы» в виде американских и европейских корпораций за поддержку диктатур в Латинской Америке, критикуя руководство своего предшественника «материальными интересами» во внешней политике. Однако он полностью осознавал возможность применения силы для воздействия на политическую ситуацию в странах Латинской Америки и выступал за то, чтобы США активно стремились к экономической и политической экспансии по всему миру.

Глава Белого дома доминировал над Госдепартаментом в направлении и фактическом проведении внешней политики, что сильно влияло на действия мексиканского правительства. Несомненно, временное правительство Уэрты, пришедшее к власти в результате кровавого военного переворота, поначалу вызывало подозрения и отвращение у президента. Однако целенаправленная политика изоляции режима Уэрты началась после того, как Белый дом убедился в невозможности организовать посредничество между ним и революционерами, ведущими вооруженную борьбу.

Обе стороны конфликта в этот период активно искали поддержки у своего могущественного северного соседа. Режим Уэрты добивался дипломатического признания, выдавая себя за гаранта безопасности интересов США в Мексике, получая финансовые ссуды и свободно закупая оружие и боеприпасы. Ту же цель преследовало конституционное движение во главе с Венустиано Каррансой, самопровозглашенным лидером революции, претендовавшим на роль единственной легитимной политической силы. Белый дом проводил политику «непризнания» и того, и другого лагерей, в качестве козыря, что далеко от дипломатической традиции США в прошлом. В то же время под влиянием расширения революционного движения и прогрессивных идей он стал поддерживать конституционалистов, которые, наконец получили возможность закупать оружие в США.

При такой стратегии привести к власти проамериканскую "партию" – отнюдь не простое желание. Президент Вильсон, госсекретарь Уильям Брайан и их советники считали, что лучший способ быстро положить конец мексиканской революции – это устранить ее коренные причины: мексиканцев, чья социально-экономическая и политическая нестабильность в остальной части Мексики может быть устранена только путем реформ и самоутверждения. Задача Соединенных Штатов состояла не в том, чтобы подавить революцию, а в том, чтобы направить ее в наиболее безопасное русло, укрепить демократические институты и либеральные принципы в экономике, не допустить ее радикализации. Политика администрации Вильсона вызвала неоднозначную реакцию среди европейских держав, признающих консервативные режимы: Белый дом обвинили в некомпетентности и умышленном разжигании революции с целью добиться полного подчинения Мексики правлению США.

Однако, вопреки расчетам американцев, оккупация Веракрусы в апреле 1914 г. создавала угрозу войны между США и Мексикой, которая привела бы к краху пути, избранного правительством, так как и Уэрта и Карранса осудили вторжение. На основании открытых и архивных источников можно сделать вывод, что даже «ограниченная» интервенция, поддерживаемая «вильсонистами», таила в себе большую опасность из-за неподготовленности ВС США.

Падение режима Уэрты означало разъединение революционных сил и начало открытого противостояния двух внутренних течений, которые можно охарактеризовать как популизм и национал-реформизм. Мексика разделилась на революционный Конвент, основанный на движениях Франсиско Вильи и Эмиляно Сапаты, и конституционное правительство во главе с Каррансой, который позиционировал себя как законных преемников Мадеро и лидеров республиканской политической традиции. В разгар гражданской войны деловая жизнь во многих регионах пришла в стагнацию, рухнула финансовая система, свирепствовали голод и эпидемии.

США пытались найти решение мексиканской проблемы, полностью отвечающее своим интересам, избегая при этом полномасштабного

вмешательства. Администрация Вильсона стремилась точно понять политические программы и цели революционных фракций, чтобы оценить вероятность компромисса между ними. С середины 1914 до середины 1915 года она старалась быть равноудаленной от противоположных лагерей, не слишком усиливая каждый из них. Лидеры США видели решение проблемы в коалиционном правительстве всех «фракций». Эта политика длилась недолго, и в ноябре 1914 г. американские войска ушли из Веракруса, но в июне 1915 г. угроза новой интервенции вынудила мексиканцев снова пойти на переговоры.

Со времен оккупации Веракруса Вашингтон столкнулся с категорическим отказом Каррансы от сотрудничества: «первый лидер» требовал вывода американских войск и не желал идти на принципиальные уступки. Период карательных экспедиций был самым непосредственным и продолжительным кризисом в отношениях между США и революционной Мексикой. Переговоры между американскими войсками и генералом Обрегоном в Эль-Пасо обострили спор, кульминацией которого стала битва при Каррисале в июне 1916 года. С тех пор были предприняты попытки решить широкий круг вопросов путем создания двусторонних комитетов. Неэффективность второго этапа переговоров определялась принципиальными расхождениями в целях делегаций США и Мексики. Американцы потребовали подписания итогового протокола на условиях, которые конституционалисты считали нарушением национального суверенитета. Главной причиной отступления Белого дома стало осознание того, что дальнейшее противостояние с Мексикой невозможно, а также нежелательным фактором была возможная война с Германией.

Последующее участие США в Первой мировой войне существенно ограничило их возможности в Мексике. Однако необходимость контроля над ней не перестала быть актуальной проблемой. Значение энергоресурсов Мексики резко возросло на заключительных этапах войны, после того как США присоединились к Антанте в попытке создать совместный механизм, который обеспечил бы Мексике максимальную стабильность до конца войны. Примером тому является согласие антиправительственных сил на господство на нефтяных месторождениях, что обеспечивало бесперебойные поставки нефти американским и британским компаниям. Именно в это время Мексика сделала первые шаги в развитии на основе конституции, принятой в феврале 1917 г. для закрепления завоеваний революции.

После Первой мировой войны Мексика стала страной, пытающейся противостоять планам держав-победительниц использовать созданный ими новый мировой порядок в своих односторонних интересах. Это придало новую силу ее противостоянию с США. Президент Вильсон был вынужден ограничить свое участие в мексиканской политике, посетив Парижскую мирную конференцию и добиваясь ратификации Сенатом Версальского договора.

Таким образом, на протяжении всего революционного десятилетия главным приоритетом политики США в отношении Мексики было выработка механизма и сохранение способности контролировать масштабы революции, не

применяя прямой агрессии. Снижение остроты противостояния в 1920 г. было связано с тем, что новая революционная элита оттеснила сторонников Каррансы от власти и была заинтересована в нормализации отношений с Вашингтоном. Правительство, республиканская оппозиция и финансовый капитал возлагали оптимистические надежды на «партию» генерала Альваро Обрегона, ожидая, что она сыграет роль «термидора», завершившего революцию. Они оправдались лишь частично.

Ссылки и примечания:

1. Sweetman J. The Landing at Vera Cruz. Annapolis, 1968.
2. Challener R. Admirals, Generals and American Foreign Policy, 1898-1914. Princeton (N.J.), 1973.
3. Finnegan J.P. Against the Specter of a Dragon: the Campaign for American Military Preparedness, 1914-1917. Westport (Conn.) and L., 1974.
4. Carreño A. La diplomacia extraordinaria entre México y Estados Unidos, 1789-1947. T. 2. México, 1947.
5. Sepulveda C. Las relaciones diplomáticas entre México y los Estados Unidos de América en el siglo XX. Monterrey, 1953.
6. Fabela I. Historia diplomática de la Revolución Mexicana. T. 1-2. México-Buenos Aires, 1958-1959.
7. Luquin E. La política internacional de la revolución constitucionalista. México, 1957.
8. Garcia Cantú G. Las invasiones norteamericanas en México. México, 1971.
9. Vera Estañol J. La Revolución Mexicana: orígenes y resultados. México, 1957.
10. Mayer A. Woodrow Wilson y la diplomacia norteamericana en México, 1913-1915 // Estudios de la Historia Moderna y Contemporánea de México. 1989. Vol. 12. P. 141.
11. Taft W.H. The United States and Peace. N.Y., 1914.
12. Sherrill Ch.H. Modernizing the Monroe Doctrine. Boston and N.Y., 1916. P.20.

УДК 94(567) “1980/1988”

В.В. Разумный

кандидат исторических наук,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
e-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru

К.А. Гречихин

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
e-mail: kirkll09593@gmail.com

**БОРЬБА КУРДОВ ИРАКА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ В ПЕРИОД
ИРАНО-ИРАКСКОЙ ВОЙНЫ (1980-1988 ГГ.)**

Аннотация

В данной статье рассматривается противостояние курдов и баасистского правительства в Ираке в 1980-е годы. Основной акцент сделан на изучение событий, связанных с ирано-иракской войной 1980 – 1988 гг. Анализируются, ранее незатронутые, либо мало освещенные аспекты борьбы курдов: партизанское движение, борьба между партиями курдов, влияние Ирана и третьих сторон на борьбу за независимость курдов в Южном Курдистане.

Ключевые слова: *Ирак, Баас, курды, «аль-Анфаль», ирано-иракская война.*

Summary

This article examines the confrontation between the Kurds and the Baathist government in Iraq in the 1980s. The main focus is on the events related to the Iran-Iraq War. The aspects of the Kurdish struggle that were not previously touched upon or little covered are analyzed: the guerrilla movement, the struggle between the Kurdish parties, the influence of Iran and third parties on the struggle for the independence of the Kurds in Southern Kurdistan.

Keywords: *Iraq, Baath, Kurds, al-Anfal, Iran-Iraq War.*

С момента подписания Алжирских соглашений 1975 г. в ирано-иракских отношениях заметно снизилось напряжение по вопросам государственной границы и влияния на внутривнутриполитические процессы. В результате этого, курды Ирака остались один на один в противостоянии с крепнущим режимом баасистов. Восстание курдов на севере страны было подавлено, а по факту конфликт был вновь законсервирован. Новая волна борьбы курдского народа

была поднята в новых условиях, с новыми национальными лидерами, с новой большой войной.

Данная тема актуальна в современных реалиях ближневосточных проблем, когда конфликт на религиозной почве, экономической и культурной политике государства может привести к борьбе до уровня уничтожения одного этноса другим. Арабский национализм в его крайних проявлениях – это явление, на которое сегодня нельзя закрывать глаза, и во избежание ужасных событий необходимо детально знать проблематику, специфику политических процессов и этнических отношений на Ближнем Востоке. Этим объясняется актуальность нашего исследования.

Цель статьи состоит в том, чтобы проанализировать борьбу курдов Ирака за независимость в период ирано-иракской войны (1980-1988 гг.).

Среди задач, которые включает в себя цель работы, можно выделить следующие:

1. Рассмотреть освещение проблемы борьбы курдов в 1980-е годы в отечественных и западных исследованиях;
2. Изучить борьбу курдов Ирака за независимость до начала операции «аль-Анфаль» и после ее проведения;
3. Проанализировать основные причины неудач курдов в ходе военных действий и на политической арене;
4. Определить основные черты борьбы курдов Ирака за свою независимость в 1980-е годы.

Данная проблема была в центре внимания исследователей внутренней политики Ирака за последние тридцать лет. Из отечественных исследований нам важно отметить воспоминания Е.М. Примакова о ситуации в Ираке в 1980-е годы в работе «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века)» [1]. Советский курдовед М.С. Лазарев написал труд о генезисе проблемы «Курды и Курдистан (факторы становления проблемы)» [2].

Отдельные аспекты изучаемой проблемы были изучены в новейших исследованиях К.В. Вертяева и С.М. Иванова «Курдский национализм: История и современность» [3], Э. Г. Вартаньяна «Свободный Курдистан»: трудный путь к самоопределению (1970-е годы – XXI век)» [6], а также в статьях А.М. Родригеса и Е.С. Галкиной [12] и М.С. Лазарева [14].

Среди западных исследований следует выделить работу Дэвида Макдоуэлла «Современная история курдов», в которой глубоко изучается ход и последствия операции «аль-Анфаль» [13]. О поддержке администрацией Рональда Рейгана Саддама Хусейна в 1987–1988 гг. и отрицании вины Багдада за химические атаки в Иракском Курдистане писал Майкл Келли [10]. Также в его работе были собраны сведения очевидцев химических атак против курдского населения на севере Ирака.

Основной источник для данной статьи служит материал сборника документов «Геноцид в Иракском Курдистане» [5]. Правовой аспект урегулирования конфликта мы находим в статье Хасана Х.А.Х. [15].

Для начала определим, что курды до 1991 г. чаще выступали за свои права даже в рамках автономии, чем за полное отделение от Ирака. Но именно события 1980-х годов настроили многих курдов на беспощадную войну с центральным правительством.

В ходе ирано-иракского конфликта 1980 – 1988 гг. обе стороны рассчитывали на серьезную поддержку курдов: Иран – на тех, кто населял Северный Ирак и постоянно конфликтовал с Багдадом, Ирак – на курдов, проживающих в Иранском государстве и находившихся во враждебных отношениях с Тегераном [1, с.313].

Историки А.М. Родригес и Е.С. Галкина отмечают, что до 1983 г. противостояние курдов с центральным правительством проходило вяло [12, с.154].

Саддам Хусейн также обнаружил, что курдская угроза в первые годы войны оказалась менее грозной, чем предполагалось. Племенная и языковая раздробленность курдов, равно как и давняя вражда между двумя основными группами сопротивления, ДПК Масуда Барзани и ПСК Джалала Талабани, исключали совместную стратегию курдов и давали режиму возможность натравливать их друг на друга. И только после того как Иран предпринял свое первое крупное наступление на Курдистан летом 1983 г., курдская оппозиция стала настоящей головной болью для центрального правительства [8, с.341]. Мы можем выделить также одну из причин слабой активности курдов на первом этапе – это успех армии Ирака на южном участке фронта, куда были брошены большие силы иранских вооруженных сил.

Только с 1982 г. на территории Иракского Курдистана начинает активно работать программа пропаганды со стороны Ирана. Политико-идеологические органы вооруженных сил Ирана уделяли серьезное внимание организации и проведению психологических операций, направленных против населения и личного состава армии Ирака [9, с.132].

При помощи артиллерийских средств и авиации на иракские позиции разбрасывались листовки, ультиматумы, отпечатанные в стационарных государственных типографиях и типографиях КСИР.

Одной из основных форм идеологического воздействия была радиопропаганда. Передачи иранских радиостанций, расположенных вблизи границ, хорошо прослушиваются на всей территории Ирака. Если в 1980 г. объем вещания составлял 20 часов, то к концу войны он значительно увеличился [9, с.134].

По проблеме разногласий в действиях курдских партий историк Робин Апдайк отмечает следующее: «В то время как на ДПК обрушились зверские репрессии и приблизительно 8 000 из клана Барзани находились в заключении, ПСК всячески обхаживался с помощью немалых финансовых подачек и

двусмысленных политических обещаний. В конце 1983 г. переговоры между правительством и ПСК закончились мирным соглашением. В соглашении, которое не было официально обнародовано, правительство согласилось провести «свободные и демократические выборы» в законодательный и исполнительный советы автономного района Курдистан, а также выделить 30 процентов государственного бюджета на возмещение ущерба, причиненного войной. В ответ ПСК обязывался сформировать народную армию в 40 000 человек «для защиты Курдистана от внешнего врага» [8, с.343]. Однако правительство не пошло на такие уступки, и Талабани осознал всю проблематичность положения, когда у него не было поддержки ни в среде военных, ни в Совете Революционного командования. Это обстоятельство объединило две партии курдов, и к началу 1985 г. Садам Хусейн столкнулся с весьма серьезным мятежом в Курдистане.

В ответ баасисты казнили плененных в начале 1980-х годов курдов. Курдские семьи из крупных городов севера переселялись на юг, в места с суровыми условиями, близко к крупномасштабным боевым действиям.

Из особенностей борьбы курдов исследователи отмечают:

- использование тактики партизанской войны (герильи) с использованием легкого оружия, поставлявшегося в основном из Ирана;
- обеспечение повстанцев из ИРИ провиантом и разведданными в обмен на помощь на севере ирано-иракской границы;
- солдаты и офицеры пешмерга проходили обучение и подготовку в Иране.

Однако помощь была дозирована ровно настолько, чтобы иракские курды продолжали сопротивление армии Хусейна, но не имели шансов на победу. Создание независимого курдского государства, по всей видимости, в планах Исламской республики отсутствовало, ибо тогда усилились бы сепаратистские настроения курдов Ирана [12, с.155].

Иракское руководство также не бездействовало в отношении курдов сопротивленцев и всячески пыталось присмирить сепаратистов.

Первый вице-премьер Ирака Таха Ясин Рамадан посетил Анкару где, между Турцией и Ираком было подписано секретное (опубликовано только в октябре 1983 г.) соглашение, касающееся курдов и состоящее из 4 пунктов. Войска Ирака и Турции, преследуя курдов, имели право вторгаться на территорию соседа на глубину до 17 километров. В целях координации действий против курдов между губернаторами турецких и иракских пограничных провинций в 1986 г. было заключено соглашение, по которому армиям обеих государств было разрешено вторгаться на территорию друг друга, если они преследовали отряды курдов. В 1988 г. соглашение было подтверждено на правительственном уровне [13].

Мы видим, что баасисты пытались найти поддержку в действиях против курдов у третьих сторон, а также им необходимо было понять позицию США и Запада в целом для проведения ускоренной, по факту не законной, арабизации населения.

В сообщении ТАСС отмечается о появлении Национального фронта Иракского Курдистана: «За 1987 год иракские курдские партии и военизированные организации («пешмерга») объединились для борьбы против правительственных сил в Национальный фронт Иракского Курдистана».

Там же появляются сведения о чудовищной этнической чистке в Иракском Курдистане: «в марте 1987 – апреле 1988 года иракская армия провела операцию по массовому уничтожению курдов на севере страны под названием «Аль-Анфаль» («Трофеи»), в результате которой 182 тыс. курдов были уничтожены, 700 тыс. депортированы в другие районы Ирака. 16-17 марта 1988 г. в городе Халабджа вблизи границы с Ираном иракские войска применили против курдских отрядов химоружие, погибли 5 тыс. человек» [7].

Исследователи отмечают, что против курдского гражданского населения химическое оружие применялось в значительно больших объемах, чем против войск Ирана на юге. Возможно, благодаря этому факту мировая общественность уже в скором времени была информирована о бомбовых ударах против курдов Ирака.

В мае 1987 г. иранские войска вместе с курдами окружили иракский гарнизон в городе Мават, создав угрозу прорыва к Киркуку и нефтепроводу, ведущему в Турцию. Это был последний значительный успех иранских войск в этой войне [9, с.183].

Историк Майкл Келли выделяет в своем исследовании 8 основных атак в рамках операции «Анфаль». В ходе мощного восьмого наступления на Сулейманию в августе 1988 г. иракская армия уничтожила 5 тыс. человек. Около 100 тыс. курдов устремились к границам Турции [10, с. 26].

Первая директива генерала аль-Маджида запрещала любое пребывание людей в запрещенных зонах, она должна была исполняться посредством стрельбы на поражение. Вторая, под номером SF/4008, датированная 20 июня 1987 г., изменяет и расширяет этот приказ. По сути, в нем было подстрекательство к массовым убийствам, изложенное в самых пугающих деталях. В пункте 4 командующим армиями приказано «проводить беспорядочные бомбардировки, используя артиллерию, вертолеты и самолеты, в любое время дня и ночи, чтобы убить наибольшее число присутствующих в этих запрещенных зонах». В пункте 5 генерал аль-Маджид приказывает, чтобы «все лица, захваченные в этих деревнях, были задержаны и допрошены службами безопасности, а лица в возрасте от 15 до 70 лет должны быть казнены после получения от них любой полезной информации» [10, с.22].

Иракский режим стал первым в истории, кто напал на собственное гражданское население с применением химического оружия. 15 апреля 1987 г. иракский самолет сбросил ядовитый газ на штаб-квартиру ДПК в Зева-Шкане, недалеко от турецкой границы в мухафазе Дохук, и штаб-квартиру ПСК в деревнях-близнецах Сергалу и Бергалу, в мухафазе Сулеймания. На следующий день днем они сбросили химическое оружие на незащищенные гражданские деревни Шейх-Васан и Балисан. При этом, были убиты более ста человек,

большинство из которых женщины и дети. Десятки других жертв нападения были похищены со своих больничных коек в городе Эрбиль, куда их доставили для лечения ожогов и слепоты. Их больше никто не видел. Эти инциденты стали первыми, по меньшей мере, из сорока задокументированных химических атак на курдские объекты за последующие восемнадцать месяцев [10, с.22].

После этих атак партийное руководство курдов было дезориентировано, шансы на успех в борьбе против режима Саддама исчезли, так как Иран был истощен войной, а администрация президента Рональда Рейгана не отреагировала на просьбы Талабани вмешаться в конфликт.

Советский Союз также объявил о своей позиции невмешательства во внутренние дела Ирака, дабы не изменить баланса сил в регионе [4, с.525].

Один из выживших после химической атаки аль-Маджида в апреле 1987 г. на курдские деревни в долине Балисан описал эффект розового, серого и желтого газов, дрейфующих по городам: «Все было темно, покрыто тьмой, мы ничего не могли разглядеть. ... Это было похоже на туман. А потом все ослепли. Некоторых вырвало. Лица почернели; у людей появились болезненные опухоли под мышками, а у женщин – под грудью. Позже из глаз и носа потекли желтые водянистые выделения. Многие из тех, кто выжил, страдали серьезными нарушениями зрения или полной слепотой на срок до месяца.... Некоторые жители деревни убежали в горы и там умерли. Другие, находившиеся ближе к месту падения бомб, погибли на месте» [10, с.23]. В некоторых случаях население, бежавшее на возвышенность от газа, сгонялось в долину обратно с помощью артиллерии. Весной в горах было холодно, люди умирали от переохлаждения, а те, кто сдавались республиканской гвардии, могли исчезнуть бесследно.

К 22 марта 1988 г. силы Саддама Хусейна обратили свое внимание на низменности гор Кара-Даг и, в частности, на три деревни, где действовала ПСК. Третья деревня Сайв Сенан, подверглась разрушительной химической атаке. Фермер по имени Омар, который приехал в Сайв Сенан после нападения, вспоминал: «Мы видели тела тех, кто умер в деревне. Я своими руками помог похоронить 67 человек в анфальских кампаниях. Мы отвезли их в деревню Кошк на тракторах. Сложили всех в одну большую могилу на кладбище Джаджи Рака. Еще 14 тел были похоронены в деревне Астели Серру. Они умерли мгновенно. У них шла кровь из носа; казалось, что их мозги взорвались» [10, с.24-25].

Интернированные в центрах сбора были разделены по полу и возрасту. Часть людей были избиты и истощены. Многих, в конечном счете, отправили в более крупные лагеря для заключенных в Топзаве, Тикрите, Нугре и Салмане в пустыне, простирающейся до границы с Саудовской Аравией, и в женскую тюрьму в Дибсе. В Топзаве, где за неделю размещалось 4 - 5 тыс. курдов, мужчин запикивали в большие камеры так плотно, что они не могли лечь и вынуждены были сидеть на корточках всю ночь – тех, кто стоял, избивали. Ужасными были санитарные условия [5, с.115].

Такие ужасающие сведения были собраны позже международной комиссией по правам человека [11]. Атака на Халабджу, упомянутая нами, заслуживает отдельной работы для рассмотрения апогея тех зверств, что выпали на долю курдов Ирака.

6 сентября 1988 г. Саддам Хусейн объявил общую амнистию для всех курдов. Указ № 736 вступил в силу немедленно. Истории об операции «Анфаль» просачивались в западные СМИ от курдских беженцев, скрывающихся в Турции. Генералу аль-Маджиду были даны особые командные полномочия для переселения курдов по мере их возвращения. Однако они не будут поселены в свои деревни. Курдов расселяли по приказу генерала аль-Маджида [10, с.31.]

В своей статье историк М.С. Лазарев заключает: «курдское движение еще не достигло нужной степени политического единства в самом Курдистане, но имеет возможность действовать объединено на международной арене» [14, с.16].

Подводя итоги, можно сказать, что в ходе ирано-иракской войны 1980 – 1988 гг., у курдов Ирака появилась новая возможность отвоевать свои права, которой они попытались воспользоваться. В этом вопросе они приняли значительную поддержку Ирана. Основной проблемой курдов на начальном этапе стала разобщенность между ДПК и ПСК, как основными силами противостоящими баасистам. Отечественные и западные исследователи отмечают незаинтересованность в ослаблении Ирака и усилении Ирана в войне, как западных стран, так и СССР. В результате – с ростом военных мощностей Ирака, спадом давления Ирана на севере, республиканская гвардия во главе с Али аль-Маджидом начинает проводить кампанию по зачистке курдов в Ираке. Жизни 1,5 млн курдов были разрушены, из них погибло около 150 тыс. человек, а кампания «Анфаль» продолжилась до полного подавления какого либо сопротивления до 1990 г.

Ссылки и примечания:

1. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). – М.: ИИК «Российская газета», 2006. – 384 с.
2. Лазарев М.С. Курды и Курдистан (факторы становления проблемы) // Национальный вопрос в освободившихся странах Востока. – М.: Восточная литература, 1986. – 152 с.
3. Вертяев К.В., Иванов С.М. Курдский национализм: История и современность. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 352 с.
4. Степанова Н.В. История Ирака. XX век / Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2016. – 663 с.

5. Геноцид в Иракском Курдистане. Перевод с английского / Под ред. и с предисл.: Кочои С.М. – М.: Профобразование, 2003. – 360 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://lawlibrary.ru/izdanie46166.html>
6. Вартаньян Э. Г. «Свободный Курдистан»: трудный путь к самоопределению (1970-е годы – XXI век) / Э. Г. Вартаньян // Научный диалог. – 2021. – № 10. – С. 328–342. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47125022>
7. Иракский Курдистан. Досье [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://tass.ru/info/1311929>
8. Робин Дж. Апдайк. Саддам Хусейн (Политическая биография) // изд. Дом «Феникс», 1999. – 565 с.
9. Ганиев Т., Задонский С., Карякин В. Военная мощь Исламской Республики Иран. Том II – М.: 2020, – 498 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44342342>
10. Kelly M. Ghosts of Halabja: Saddam Hussein and the Kurdish genocide. Westport: Praeger, 2008. 196 p.
11. Middle East Watch, Genocide in Iraq: The Anfal Campaign Against the Kurds, Introduction (Human Rights Watch, 1993), available at <http://www.hrw.org/reports/1993/iraqanfal/>.
12. Родригес А.М., Галкина Е.С. Курдский национализм и ирано-иракский конфликт // Вопросы национализма, 2012, №1(9). – С. 148-156. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21176360&>
13. David McDowall. A modern history of the kurds / Reprinted in 2007 by I. B. Tauris & Co Ltd 6 Salem Road, London, New York NY. – p. 354.
14. Лазарев М.С. Курды – народ гонимый // Азия и Африка сегодня. 1991, № 10. – С.13 – 16.
15. Хасан Х.А.Х. О практике применения Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него кампания «Аль-Анфаль» в Ираке // Актуальные проблемы российского права 2014, №11(48).

УДК 323.1(410)(=152)

В.И. Скопылатова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: v.skopylatova@donnu.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СЕКРЕТАРИ ПО ДЕЛАМ СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ КАБИНЕТОВ МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР. ХАМФРИ АТКИНС

Аннотация

Статья посвящена анализу должности государственного секретаря Северной Ирландии в период правления консервативных кабинетов Маргарет Тэтчер. Изучена роль государственного секретаря Хамфри Аткинса в попытках урегулирования конфликта в Северной Ирландии.

Ключевые слова: Северная Ирландия, Хамфри Аткинс, государственный секретарь Северной Ирландии, Маргарет Тэтчер, конфликт, Ольстер.

Summary

The article is devoted to the analysis of the position of the Secretary of State of Northern Ireland during the reign of Margaret Thatcher's conservative cabinets. The role of Secretary of State Humphrey Atkins in attempts to resolve the conflict in Northern Ireland has been studied.

Keywords: Northern Ireland, Humphrey Atkins, Secretary of State for Northern Ireland, Margaret Thatcher, Conflict, Ulster.

Ситуация в Северной Ирландии обострилась накануне прихода к власти Маргарет Тэтчер и являлась сложным и длительным конфликтом, решение которого требовало особых политических усилий со стороны руководства Великобритании если не по урегулированию, то по минимизации жертв и налаживанию диалога между противоборствующими сторонами.

Изначально было необходимо решить, каким образом реагировать на такую многогранную проблему как Северная Ирландия. Ситуация настолько обострилась в сентябре 1971 г., что пришлось провести чрезвычайную встречу между премьер-министром Эдвардом Хитом, премьер-министром Джеком Линчем и премьер-министром Северной Ирландии Брайаном Фолкнером, чтобы обсудить, дальнейший план действий [1]. Министр внутренних дел Реджи Молдинг предположил, что после Кровавого воскресенья 30 января 1972 г., когда британские войска убили 13 человек во время беспорядков во время демонстрации за гражданские права и привели к массовому насилию и беспорядкам в Северной Ирландии. Предполагалось, что на временной основе

необходимо будет восстановить административные полномочия по поддержанию правопорядка. Молдинг считал, что Великобритания должна взять на себя прямую ответственность за Северную Ирландию в краткосрочной перспективе, если политическая стабильность будет восстановлена. Роль государственного секретаря по делам Северной Ирландии заключалась в том, чтобы бороться с ростом политического насилия и содействовать установлению прочного мира в Северной Ирландии. Роль Министерства по делам Северной Ирландии заключалась в оказании поддержки государственному секретарю по делам Северной Ирландии и в обеспечении безопасности в Ольстере и решении таких конституционных вопросов, как политические вопросы, правопорядок, деятельность полиции и уголовное правосудие. Министры Северной Ирландии, избранные в органы исполнительной власти Северной Ирландии, отвечали за социальные и экономические вопросы [2].

Первым государственным секретарем по делам Северной Ирландии стал Вилли Уайтлау, и проводимая им и его министрами политика, отличалась определенной независимостью от указаний премьер-министра Великобритании. Хотя в решении проблем Северной Ирландии участвовало также большое число представителей таких департаментов, как министерство внутренних дел, министерство обороны и министерство иностранных дел Великобритании. В 1972 г. было создано Министерство по делам Северной Ирландии, тогда же были определены сферы влияния, за которые будут отвечать министры. Постоянным секретарем министерства стал Уильямом Нейльдом, а государственным секретарем по делам Северной Ирландии – Вилли Уайтлоу. Тот факт, что британское правительство решило создать совершенно новый департамент в 1972 г. для урегулирования продолжающегося конфликта в Северной Ирландии, через три года после начала беспорядков, означал, что это было уникальное подразделение, на которое возлагались надежды по стабилизации, а в дальнейшем, и урегулированию конфликта.

Государственный секретарь по делам Северной Ирландии был фактически премьер-министром Северной Ирландии, так как в сферу его ответственности входило все, от политики безопасности до здравоохранения, сельского хозяйства и образования. Министры Департамента по делам Северной Ирландии обладали уникальной автономией в Северной Ирландии, по сравнению с любым другим департаментом (за исключением других региональных департаментов, таких как Шотландия), особенно в таких областях, как экономика. Однако, в годы премьерства М. Тэтчер, Министерство обороны контролировало армию в Северной Ирландии, а Министерство иностранных дел контролировало отношения между Дублином и Соединенными Штатами Америки.

С приходом Маргарет Тэтчер к власти, необходимо было решать вопрос с назначением на пост государственного секретаря по делам Северной Ирландии. Лидер консерваторов, хотела видеть на этом посту Эйри Нива, однако накануне всеобщих выборов 1979 г. Нив погиб в результате теракта. Тэтчер оказалась в затруднительном положении, никого другого на эту должность она не

рассматривала и сама не хотела погружаться в проблемы региона и предпочитала дистанцироваться и сделать свое участие в североирландской проблеме формальным. Сложность выбора новой кандидатуры на должность госсекретаря осложнялась еще и тем, что никто в правительстве не был так осведомлен о нюансах происходящего в Северной Ирландии как Эйри Нив [3].

Новой кандидатурой на должность государственного секретаря Северной Ирландии стал Хамфри Аткинс. Тэтчер, как правило, окружала себя доверенными лицами, в число которых входил и Аткинс, который в период оппозиции Маргарет Тэтчер, был ее доверенным лицом и не стремился отказываться от должности в правительстве, где, как он был уверен, он сможет быть наиболее полезен. Тем не менее, Тэтчер была уверена, что сможет доверить Х. Аткинсу этот важный пост и не обременять излишним контролем, за шагами государственного секретаря, она была уверена в том что Аткинс не станет проводить в Ольстере радикальную политику, против которой она бы выступала [4]. Поэтому Аткинс был вынужден занять предлагаемый ему пост, за что получил определенные привилегии – практически автономно принимать решения по важным вопросам, назначить одного из министров в Северной Ирландии, создать свою команду. Не смотря на вышесказанное, Хамфри Аткинс не проявлял особой заинтересованности политикой Северной Ирландии, поэтому активное участие в решении проблем Северной Ирландии вынуждена была принимать Маргарет Тэтчер, хотя и она мало была вовлечена в проблемы региона [5].

Хамфри Аткинс не смог в полной мере заменить Эйри Нива на своем посту, прежде всего из-за того, что был мало осведомлен о проблемах и задачах которые ему необходимо было решать, но изначально им был избран очень прагматичный путь – если у его министров возникали политические идеи или инициативы в пределах их юрисдикции, то Аткинс делал все возможное для их реализации [6]. Такая политика позволила Хемфри Аткинсу быстро взять бразды правления после своего предшественника Роя Мейсона. Со сменой государственного секретаря Северной Ирландии не последовало смены политического курса, основные принципы которого были определены еще в 1972 г. и включали в себя организацию и продолжение переговоров между противоборствующими сторонами в Северной Ирландии. Политика правительства в области безопасности так же была ясной и неизменной – в провинцию был введен армейский контингент для обеспечения правопорядка, Ирландская Республиканская Армия оставалась запрещенной организацией, с которой не планировалось вести переговоры.

Вместе с тем можно утверждать, что создание Министерства по делам Северной Ирландии и роль государственного секретаря Северной Ирландии еще больше затруднили Тэтчер и ее государственным секретарям достижение прогресса в Северной Ирландии [7]. Министерство по делам Северной Ирландии должно было быть под непосредственным протекторатом центрального правительства. Работу государственного секретаря осложняло то, что местные,

как чиновники, так и гражданские выступали с резкой критикой привлечения британских руководителей для управления регионом.

В целом в период пребывания Аткинса на должности государственного секретаря Северной Ирландии ситуация в провинции обострилась – участились случаи насилия со стороны ИРА, голодный бунт заключенных в тюрьме Мейз, который имел широкий резонанс. Х. Аткинс проводил политику, которая должна была завершить прямое правление провинцией из Лондона и вернуть управление местным органам, однако такая идея натолкнулась на жестокое сопротивление националистов Ольстера. Однако, пусть и косвенно, Аткинс добился желаемого – начался процесс сближения правительств Лондона и Дублина. Кризис с голодовкой заключенных был в самом разгаре, когда в сентябре 1981 г. Аткинса перевели из Северной Ирландии, чтобы его на посту сменил Джеймс Прайор [8].

В итоге можем прийти к выводу, что должность государственного секретаря Северной Ирландии была создана как попытка урегулировать острую фазу конфликта в Ольстере, наладить диалог между местными властями и официальным Лондоном, хотя и изначально это было встречено с сопротивлением со стороны местных чиновников Северной Ирландии. Государственный секретарь Хамфри Аткинс стал первым на этой должности в период правления М. Тэтчер и стал непосредственным участником выработки стратегии по урегулированию конфликта.

Ссылки и примечания:

1. Whitelaw W., The Whitelaw Memoirs. – London: Headline, 1989. – 280 p.
2. Northern Ireland Office 2007 departmental report. Published 18 May 2007. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/publications/northern-ireland-office-2007-departmental-report>
3. Moore C., Margaret Thatcher: The Authorised Biography. – London: Allen Lane Penguin, 2013. – P. 490
4. Bloomfield K. A Tragedy of Errors: The Government and Misgovernment of Northern Ireland. – Liverpool: Liverpool University Press. – 2007. – P.127
5. Moore C., Margaret Thatcher: The Authorised Biography. – London: Allen Lane Penguin. – 2013. – P. 587
6. Mitchell D. From House to House: The Endless Adventure of Politics and Wine. London: Memoir Club. - 2008. - P. 170
7. Smith M., The Core Executive in Britain. – Basingstoke: Macmillan. – 1999. – P. 78
8. Humphrey Atkins (1922 - 1996): Secretary of State for Northern Ireland 1979 - 1981. – Режим доступа: <http://www.newulsterbiography.co.uk/index.php/home/viewPerson/1791>

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 327.8

М.М. Кухтин

кандидат политических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: mikhail-kukhtin@yandex.ru

СОВРЕМЕННАЯ НЕМЕЦКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДСКАЗАНИЙ С. ХАНТИНГТОНА И З. БЖЕЗИНСКОГО

Аннотация

Статья посвящена критическому рассмотрению геополитических прогнозов С. Хантингтона и З. Бжезинского на материале современной немецкой внешней политики. Делается вывод, что ряд частных прогнозов, касающихся роли и места Берлина в европейской политической системе, был опровергнут самим ходом исторических событий. Тем не менее, рассматриваемые глобальные геополитические модели сохраняют научное значение, поскольку мировоззренчески и методологически они не допускают тривиального опровержения и остаются предметом плодотворных дискуссий.

Ключевые слова: С. Хантингтон, З. Бжезинский, Германия, ЕС, геополитика.

Summary

The article is devoted to a critical examination of geopolitical forecasts of S. Huntington and Z. Brzezinski on the material of the modern German foreign policy. It is concluded that a number of particular forecasts concerning Berlin's role and place in the European political system has been refuted by the course of historical events itself. Nevertheless, the global geopolitical models in question retain their scientific significance, because they do not allow for a trivial refutation as regards their worldview and methodology and remain a fruitfully discussed topic.

Keywords: S. Huntington, Z. Brzezinski, Germany, EU, geopolitics.

Заявленная тема исследования представляется весьма актуальной. Прогностическая способность общественных дисциплин нередко ставится под сомнение философами и методологами науки, а также более узкими

специалистами. В теории международных отношений, как правило, немыслимы эксперименты с контрольной группой, а начальные условия каждой исследуемой ситуации уникальны и невозпроизводимы. Следовательно, остаются открытыми вопросы, способна ли теория осмыслить свой предмет в терминах закономерностей и какие критерии достоверности должны применяться к ее предсказаниям. Благодаря своей прагматической ориентации геополитика дает богатый материал для изучения упомянутых проблем.

С. Хантингтон и З. Бжезинский приобрели известность как авторы глобальных схем мировой политики, призванных объяснить ее характерные особенности и динамику на глобальном, региональном и локальном уровнях. Их предсказательная способность до сих пор является предметом дискуссий. Точность соответствующих прогнозов целесообразно оценить на материале новейшей истории наиболее влиятельных стран мира. Германия занимает видное место в обеих рассматриваемых концепциях, что делает ее удобным объектом для проверки их футурологических наработок.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что оно смещает перспективу по сравнению с рассматриваемыми теориями. В центре внимания неоатлантизма находятся Соединенные Штаты Америки, их потенциальные и реальные (по мнению сторонников концепции) геополитические противники. Младшие союзники Вашингтона редко занимают в подобных исследованиях выдающееся место. Теоретическое значение работы заключается в том, что ее выводы помогают уточнить методологию социальных наук, критически и творчески интерпретировать принятые в них критерии достоверности и подходы к предсказанию будущего. С практической точки зрения статья помогает оценить релевантность изучаемых теорий, ответить на вопрос, насколько они сегодня могут служить концептуальной основой для принятия политических решений.

Историография исследования основана на двух ключевых работах упомянутых экспертов [1 – 2] и их современных критических прочтениях с разных методологических и ценностных позиций [3 – 4].

З. Бжезинский считает Германию важнейшей частью европейского «демократического плацдарма», имеющего ключевое значение для проецирования американской мощи на внутренние области Евразии [5]. С. Хантингтон считает франко-немецкий тандем одним из двух (наряду с США) стержней западной цивилизации [6]. Соответственно, современная немецкая внешняя политика дает богатый материал для проверки предсказаний, сделанных двумя выдающимися учеными более двадцати лет назад. Если рассматривать ее динамику с 2005 г. (с момента прихода к власти федерального канцлера А. Меркель), можно выделить следующие характерные черты:

- 1) атлантизм, ориентацию на американское видение современного миропорядка;
- 2) отход от курса на «нормализацию» немецкой внешней политики, провозглашенного правительством Г. Шредера;

3) экономический империализм на европейской арене;

4) противоречивое отношение к России: желание сохранить «модернизационное партнерство» и одновременно «сдерживать» рост международно-политического влияния Москвы;

5) нарастающий дефицит проектности и сюжетности (кавказский кризис августа 2008 г. – обострение противоречий европейской экономики – «Арабская весна» – украинский кризис);

6) закрепление толерантного и политкорректного дискурса, систематическая маргинализация альтернативных неолиберализму идеологий (впрочем, недавние успехи «Альтернативы для Германии», возможно, помогут формированию обратного тренда).

Необходимо ответить на вопрос, как перечисленные реалии согласуются с прогнозами и рекомендациями С. Хантингтона и З. Бжезинского. Автор «Столкновения цивилизаций» говорил о трех проблемах, стоящих перед западным миром: распространении вооружений, миграционных вызовах и кризисе демократии [7]. Кроме того, он отмечал необходимость для Запада творчески переосмыслить собственную идентичность [8], внутренне консолидироваться [9] и привлечь на свою сторону Россию и латиноамериканские страны [10].

З. Бжезинский призывал США укреплять «демократический плацдарм», не позволяя Брюсселю соперничать с Вашингтоном, действовать вразрез с коренными американскими интересами [11]. Также ученый рассматривал Германию как ключевое звено «Веймарской тройки», которую он считал, в том числе, и эффективным инструментом западной экспансии на постсоветском пространстве [12].

Внешнеполитический поворот, совершенный Германией после 2005 г., на первый взгляд соответствует пожеланиям обоих ученых. Немецкий федеральный канцлер А. Меркель и французский президент Н. Саркози придали новый импульс откровенно проамериканской политике в «старой Европе». «Демократический плацдарм» стал, с американской точки зрения, более предсказуемым и управляемым, трансатлантические противоречия ценностного характера, бывшие весьма актуальными при Г. Шредере и Ж. Шираке, на время частично утратили остроту. С другой стороны, современная Германия, как и целый ряд ее соседей, переживает кризис идентичности и не может определиться со своей исторической миссией. Это не позволяет выполнить рекомендации С. Хантингтона, имеющие целью обеспечить успешное цивилизационное развитие Запада. В обозримом будущем западным элитам и народным массам, вероятно, не удастся выработать четкую и эффективную базовую онтологию, способную подсказать пути выхода из системного кризиса. Трансатлантическая коммуникация будет и впредь существенно затруднена из-за размытости ее аксиологической составляющей. Политкорректное обсуждение миграционных проблем будет препятствовать их непредвзятому осмыслению и эффективному решению.

Продолжение политики мультикультурализма достаточно быстро приведет к нарушению геокультурной целостности Объединенной Европы, к ее политической и экономической фрагментации. Хотя Вашингтон целенаправленно использует последствия «Арабской весны» для манипуляции европейским общественным мнением и давления на Париж, Берлин и Брюссель, суммарный выигрыш (для США) от подобных маневров не может компенсировать ущерб, причиняемый миграционным кризисом западному миру в целом. Наконец, следует отметить, что «цветные революции» последнего десятилетия только усугубили затруднения либеральной демократии, на которые С. Хантингтон сетовал еще в 1996 г. Таким образом, с неоатлантистской точки зрения, которую с вариациями разделяют оба процитированных эксперта, достигнутые за двадцать лет результаты оставляют желать лучшего, если рассматривать попытки решения внутренних проблем Запада.

Для полноты анализа необходимо также рассмотреть промежуточные итоги внешней политики США и ФРГ. «Веймарская тройка» перестала быть актуальным инструментом международной политики после немецко-польского примирения, «западной интеграции» Центральной Европы. Возможность присоединения к форуму Украины не рассматривается: во-первых, Соглашение об ассоциации сделало такого рода инициативы излишними, во-вторых, Берлин и Брюссель не спешат еще прочнее привязывать к себе находящееся в глубоком кризисе украинское государство.

Немецко-российские отношения так и не были нормализованы после событий 2014 г., поскольку христианские демократы остались верны своей атлантистской позиции и внутренне не приняли возвращения России в круг великих держав.

Латинская Америка слабо структурирована геополитически. Кроме того, там широко представлены силы, критически относящиеся и к западным жизненным форматам, и к американской политике в регионе, отмеченной печатью империализма и интервенционизма.

Российский исследователь А. И. Кирсанов отмечает, что интерес к идеям С. Хантингтона в современном научном сообществе имеет вполне закономерный характер: «... расширяющийся процесс глобализации в ее нынешней форме не только не способствует сближению позиций сторон, придерживавшихся различных точек зрения о перспективах современной цивилизации, но и обостряет межцивилизационные отношения. Столкновение ценностей находит отражение в самых разных областях: от геополитической и до сферы культуры» [13]. При этом к концепции З. Бжезинского ученый относится скептически, упрекая его в апологии американского гегемонизма [14]. Отечественная исследовательница Е. И. Камнева, напротив, склонна принять, по крайней мере, некоторые идеи автора «Великой шахматной доски», включая его критику американских неоконсерваторов и опасения относительно стабильности «постамериканского» мира [15]. Таким образом, произведения

обоих западных экспертов сохраняют актуальность, к ним часто обращаются как сторонники, так и противники атлантизма, желающие глубже и полнее осмыслить современные международные отношения. Приведенные частные прогнозы относительно немецкой внешней политики и европейской политической архитектуры были во многом опровергнуты временем, однако в глобальных геополитических моделях центральное место занимают все же не они, а анализ мегатрендов и прояснение мировоззренческих и методологических вопросов.

Научное наследие С. Хантингтона и З. Бжезинского обладает большим объяснительным потенциалом, однако их политические прогнозы в целом ряде случаев не выдержали испытания временем. Это обусловлено как идеологическими предпочтениями и общественным положением аналитиков, так и шаткостью некоторых из их сугубо научных посылок. Следовательно, необходимо каждый раз отдельно решать вопрос о релевантности политических прогнозов, по возможности совершенствуя процедуры их составления и проверки. Результаты такой работы найдут себе применение не только в специальных фундаментальных и прикладных исследованиях, но и в философии и методологии науки.

Ссылки и примечания:

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский; пер. с англ. О. Ю. Уральской. – М.: Международные отношения, 1999. – 256 с.;
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон / пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: АСТ, 2016. – 640 с.
3. Камнева Е. И. Эволюция баланса сил великих держав в XXI веке / Е. И. Камнева // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 7. – 2015. – № 5 (ч. 1). – С. 34-38;
4. Кирсанов А. И. С. Хантингтон о «столкновении цивилизаций» в контексте глобальных трансформаций / А. И. Кирсанов // Философия и общество. – 2008. – № 3. – С. 32-44.
5. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский; пер. с англ. О. Ю. Уральской. – М.: Международные отношения, 1999. – 256 с. – С. 91.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон / пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: АСТ, 2016. – 640 с. – С. 220.
7. Там же. – С. 309.
8. Там же. – С. 552.
9. Там же. – С. 559.

10. Там же. – С. 560.
11. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский; пер. с англ. О. Ю. Уральской. – М.: Международные отношения, 1999. – 256 с. – С. 107.
12. Там же. – С. 106.
13. Кирсанов А. И. С. Хантингтон о «столкновении цивилизаций» в контексте глобальных трансформаций / А. И. Кирсанов // Философия и общество. – 2008. – № 3. – С. 32-44. – С. 40.
14. Там же. – С. 39, 42.
15. Камнева Е. И. Эволюция баланса сил великих держав в XXI веке / Е. И. Камнева // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 7. – 2015. – № 5 (ч. 1). – С. 34-38. – С. 35.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 329.1/.6

К.М. Дубов

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: k.dubov.don@mail.ru

К.В. Черкашин

кандидат политических наук,

ГОУ ВПО «Донецкого национального университета»

e-mail: cyrilcherkashyn@gmail.com

ЦЕНТРИЗМ В ПОЛИТИКЕ: КРАТКАЯ ИСТОРИЯ, ОСНОВНЫЕ ТРАКТОВКИ, СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА

Аннотация

Основное внимание в статье уделено рассмотрению различных подходов к трактовке феномена центризма в рамках современной политической науки. Акцент делается на многогранности явления, что обуславливает мозаичное состояние теории центризма. Предпринимается попытка систематизации знания о феномене путём сопоставления трёх основных подходов к пониманию центризма и соответствующих им объясняющих концепций.

***Ключевые слова:** центризм в политике, теория центризма, идеология, политическая технология, парадигма.*

Summary

The main attention in the article is given to the consideration of various approaches to the interpretation of the phenomenon of centrism within the framework of modern political science. The emphasis is on the versatility of the phenomenon, which determines the mosaic state of the theory of centrism. An attempt is made to systematize knowledge about the phenomenon by comparing the three main approaches to understanding centrism and their corresponding explanatory concepts.

***Keywords:** political centrism, theory of centrism, ideology, political technology, paradigm.*

Распространено мнение, в соответствии с которым, центризм на данный момент является доминирующим идеологическим направлением в политике большинства государств мира. Есть основания говорить о нём как о главной

парадигме «большинства демократий». Подтверждением тому служат несколько фактов.

Во-первых, политические партии стали постепенно отказываться от четкого определения своих идеологий, плавно отходить в своих программах в сторону большей идеологической аморфности и меньшей последовательности. Сегодня даже в «старых демократиях» трудно выделить действительно влиятельные партии, которые открыто заявляют о своей идеологии и при этом реально соотносят свои цели и действия с ней.

Во-вторых, параллельно произошло стремительное усиление партий центристского толка. Если ранее центристы воспринимались как некий маятник между левыми и правыми, который попеременно склоняется в поддержку наиболее успешного в данный момент времени политического движения, то на сегодняшний день центристские партии представляют достаточно серьезную силу и во многих европейских странах выступают доминантами, вокруг которых формируются коалиции.

В-третьих, планомерно происходит стирание грани между левыми и правыми в политическом спектре. Имеет место быть процесс конвергенции идеологий, заимствования ими друг у друга идеологием и практически слияние. Постепенное движение идеологий к центру как с левого фланга, так и с правого, приводит к возникновению новых групп идеологий, именуемых центристскими.

Анализируя текущие внутриполитические процессы и расстановку сил в странах «либеральной демократии», возникает наитие в духе Р. Дарендорфа, именовавшего XX столетие социал-демократическим веком, наречь XXI век – веком центризма. Однако вместе с тем парадоксальным является отсутствие конкретики в понимании данного феномена. О центризме довольно часто говорят, его нередко упоминают как в общественно-политическом, так и в научном дискурсе. Однако четких и однозначных критериев того, что следует понимать под центризмом в политической науке, пожалуй, не выработано. Вернее, разнообразных трактовок слишком много. Сама категория «политический центризм» является по-прежнему дискуссионной, единого устоявшегося определения этого термина не существует. Открытыми являются многие вопросы, как, например, считать ли центризм отдельной идеологией или нет? При всей очевидности значения и распространённости центризма в современной политике, политическая наука сталкивается с проблемой недостаточной систематизации знания об этом феномене.

Конечно же, нельзя сказать, что центризм в политической науке является малоизученным явлением. Существует множество исследований по данной проблематике как отечественных, так и зарубежных ученых. Однако большинство из этих исследований серьезно различаются по постановке целей, предмету исследования и подходам. Так в западной науке центризм изучается преимущественно в контексте патологии. Начало изучения политического центризма было положено французским ученым М. Дюверже [1], итальянским политологом Дж. Сартори [2] и другими авторами в первой половине XX века.

Современные научные исследования проблематики центризма многие начинаются с работы Х. Даадлера [3], который изучал роль центра в различных типах партийных систем. Традиции исследования политического центризма были продолжены в работах О. Кнутсена [4], М. Мертеса [5], К. Поппера [6] и многих других авторов.

В отечественной политической науке начало систематического изучения феномена приходится на конец XX века. Многие вопросы теории политического центризма были рассмотрены такими исследователями, как А.В. Глухова [7], М.В. Ильин [8], А.И. Соловьев [9]. В тесной связи со спецификой российской политической жизни феномен изучали А.Л. Андреев [10], В.Н. Миронов [11], А.В. Рябов [12], О.В. Семенов [13] и многие другие. Из общего ряда выделяется диссертационное исследование Е.В. Мурашевой, посвященное глубинному изучению центризма как общественно-политического явления [14]. Также оригинальной представляется работа В.М. Сергеева, А.А. Казанцева и К.Е. Петрова, в основе которой лежит интерпретация центризма в качестве фундамента современной парадигмы мейнстрима [15].

Однако, несмотря на внушительное количество материалов и статей о российском политическом центризме, целостная предметная научная дискуссия по этому вопросу практически не была организована. Не все авторы, изучавшие в своих исследованиях феномен центризма, дали ему чёткое определение и выделили его базовые характеристики.

Именно поэтому, целью данной работы является обзор и систематизация основных подходов к феномену центризма, краткое освещение его истории и взглядов на его современную социальную базу.

Собственно, в политический лексикон термин «центризм» вошел в конце XVIII века. Однако и в более ранней истории политической мысли отчетливо прослеживаются тенденции к созданию теоретико-идеологической базы центризма, к описанию сущности данного феномена и его обоснованию.

Первые идеи о «серединности» в политических отношениях появились еще в глубокой древности. Вести отчёт правомерно, пожалуй, от древнекитайского философа Конфуция (551 – 479 гг. до н.э.). В своем учении Конфуций развивал принцип «чжун юн», т.е. «следование середине». Философ одним из первых сформулировал этическое понятие «золотой середины» – умеренность и сдержанность в поведении, осторожность. Исходя из «чжун юн» Конфуций, формулировал свой идеал государственного устройства, сочетающий в себе патриархально-патерналистскую основу с аристократическими и меритократическими идеями. Наивысшую же цель общественного уклада Конфуций видел в поддержании гармонии и согласия между людьми [16].

Политико-философская мысль античной Греции была посвящена и рассмотрению явлений, сопоставимых с современным центризмом. В частности, в тот период рассматривались конкретные методы по достижению стабильности и мира, политического равновесия и гармонии в обществе. Древнегреческие философы Платон и Аристотель объединяли идею примирительной политики с

концепцией среднего курса и нередко утверждали воздержание от безоговорочной приверженности какой-либо радикальной точке зрения, отдавая предпочтение среднему положению между «да» и «нет». По словам Платона (ок. 427 – 347 гг. до н.э.), сущность политической умеренности – это самоконтроль, признание права государственного органа осуждать и подчинять себе управляемых [17, с. 180, 490, 498]. Аристотель распространял этическое понимание «золотой середины» на описание характера политических систем. Философ разделял многообразие политических устройств на две противоположные группы – неправильные и правильные. Лучшей формой правления Аристотель называл полицию. Все остальные формы являются отступлением от политики, а сама полиция представляет собой смесь олигархии и демократии. Данная форма правления сочетает в себе лучшие их качества, но свободна от их недостатков. Полиция – средняя форма правления, и средний элемент в ней доминирует во всем: в нравах – умеренность, в имуществе – средний достаток, во властвовании – средний слой. В целом Аристотель резюмирует: «Государство, состоящее из средних людей, будет иметь и наилучший государственный строй» [18, с. 295-296]. Продолжением идей Аристотеля можно считать учение древнегреческого историка Полибия (ок. 200–120 гг. до н. э.) о смешанной форме правления. Под «смешением» он понимал сочетание, совмещение основных элементов трех классических форм государства – монархической власти, аристократии и демократии [19, с. 64-66].

В Средние века создатели христианской политической теории Аврелий Августин (354-430 гг.) и Фома Аквинский (1225-1274 гг.) развивали идеи Полибия о смешанной форме правления в поисках основ устойчивого политического порядка. Оба богослова склонялись скорее к синтезу различных видов устройств государственной власти, обосновывая это тем, что целью правильного государства является всеобщее благо и забота о подданных.

В эпоху Просвещения предтечи идей центризма нашли свое отражение в передовых политико-философских концептах. Французский философ Ш.Л. Монтескье (1689 – 1755 гг.) разделял государства по образу правления на умеренные (монархия и республика) и деспотии, отдавая предпочтение первым. Умеренные государства управляются на основе разделения властей и во главе с законом: «Дух умеренности должен быть духом законодателя... Не следует править людьми с помощью крайних мер» [20]. Другой французский идеолог Ж.-Ж. Руссо (1712-1778 гг.) провозглашал идею суверенитета народа, связанную с общей волей, чем заложил основы теории консенсуса.

В качестве отдельной политологической категории термин «центризм» родился в пору Великой французской революции (1789-1799). Именно в тот период он приобрел свое значение в наиболее приближенной форме к сегодняшнему. Понятие центризма вышло за рамки политико-философской концепции и утвердилось в первую очередь через институциональное русло, переместившись в сферу партийно-политической инфраструктуры [7, с. 103].

Появление понятия напрямую связано с Национальным конвентом – парламентом Первой французской республики. Избранный 21 сентября 1792 г.

Национальный конвент состоял из трёх депутатских групп. Фракция монтаньяров (montagnards) пространственно занимала левую часть Конвента. Монтаньяры представляли собой радикальных революционеров, твёрдо отстаивающих эгалитаризм, республиканизм и активное применение насилия в политических целях. В правой части Конвента располагалась фракция жирондистов (girondins). В революционном отношении жирондисты были более консервативны, они выступали противниками радикальных методов, таких как казнь поверженного короля [21]. Большинство же мест (389) в Национальном конвенте занимала группа депутатов, располагающаяся между монтаньярами и жирондистами, то есть в центре парламента. Иронически данную группу называли «Болотом» (Marais) или «Равниной» (Plaine). Такое название за депутатами большинства закрепилось ввиду неопределенности политической позиции, а также из-за разнородного состава. «Болото» в разное время выступало то с поддержкой монтаньяров, то с поддержкой жирондистов. В социальном отношении данная группа была тесно связана с широкими кругами буржуазии и, в особенности с «новыми богачами», которые заработали свои состояния во время революции, спекулируя землей и продовольствием [22].

Именно ввиду пространственного расположения политических сил в Национальном конвенте сформировалась и прочно вошла в политический дискурс идея разделения на левых, правых и центр. Прообразом левых послужили монтаньяры (революционные радикалы, эгалитаристы, опирающимися на низшие слои населения), образ правых сформировали жирондисты (консерваторы, не приемлющие полного эгалитаризма, представляющие зажиточные слои населения), а в качестве центристов выступила группа «Болота» (отсутствие четких идеологических позиций, неприятие радикализма, опора на т.н. средний класс и стремление к политическому сотрудничеству).

В таком виде термин «центризм» закрепился преимущественно в западной политической традиции. Иного рода понимание централизма долгое время доминировало в отечественном политическом дискурсе, а также в странах соцлагеря. Здесь центризм воспринимался сквозь призму марксизма, а само понятие носило скорее идеологический характер, чем институциональный.

Истоки марксистского понимания централизма лежат в сущности идейной борьбы во II Интернационале. В период Русской революции 1905-1907 гг. в социалистическом движении обострился раскол на три течения: 1) ортодоксальные марксисты, выступающие за неуклонное следование идеям мировой социалистической революции; 2) бернштейншанцы, находившиеся на позициях ревизии основных постулатов марксизма, предпочитавшие реформизм радикальным революционным переменам; 3) каутскианцы, придерживавшиеся умеренных позиций, стремившиеся сглаживать противоречия между радикальными марксистами и ревизионистами [23].

Занимая промежуточное положение во II Интернационале между революционным (левым) и реформистским (правым) течениями каутскианство было наречено центризмом. В советском понимании центризм был близок к

оппортунизму, к нему сохранялось крайне предвзятое и негативное отношение. В.И. Ленин следующим образом отзывался о центризме: «Не так страшен и вреден открытый оппортунизм, отталкивающий от себя сразу рабочую массу, как эта теория золотой середины, оправдывающая марксистскими словечками оппортунистическую практику, доказывающая рядом софизмов несвоевременность революционных действий и проч.» [24, с. 38].

К 1990-м годам с постепенным закатом советской идеологии понятие «центризм» в отечественном политическом дискурсе потеряло свою заидеологизированность и негативную коннотацию. Пришедшие в политическую систему официально декларируемые парламентаризм и плюрализм качественно изменили подход к трактовке данного термина, соединив его с западной традицией, складывающейся с конца XVIII века. В настоящее время понимание централизма на постсоветском пространстве соответствует общим тенденциям мейнстримной политологии.

Различные современные исследователи склонны рассматривать феномен централизма в различных плоскостях, что обуславливает некое мозаичное состояние теории централизма. По мнению Е.В. Мурашевой, в отечественной политической науке возможно выделение трех основных подходов: 1) центризм как технология, 2) центризм как идейно-политическое течение и 3) центризм как системная характеристика [14].

В рамках первого подхода центризм понимается в прикладном смысле, в качестве одного из способов ведения политики, базирующегося на последовательных реформах. Центризм выступает как средство преодоления крайностей революционности и реакционности путём предпочтения реформизма. Тем самым он является способом осуществления и обоснования политического развития, но с помощью умеренных, поступательных движений.

А.И. Доронченков и П.И. Надолишний трактуют центризм как согласительную политическую практику, которая заключается в поиске и реализации модели эволюционного развития, удовлетворяющего и нужды общества, и предлагаемые альтернативы. Так центризм выражается в консолидации противоположных политических сил вокруг какой-либо проблематики, по которой акторы могут иметь близкие или смежные позиции, или по крайней мере общие задачи [25, с. 23]. Технологическое понимание централизма отражается и в работах В.Н. Миронова, определяющего главную характеристику централизма как средства достижения общественного консенсуса [11, с. 6-7]. Подобные трактовки централизма стремятся описать его в качестве ценностно-нейтрального явления.

Технологический аспект централизма также раскрывается в работах А.И. Соловьева [9, с. 33-54]. Основываясь на его умозаключениях возможно составление описания двойкой природы централизма:

1) целенаправленно создаваемая или стихийно складывающаяся практика политических отношений, выражающаяся в примирении, сбалансированности между конкурирующими сторонами в сфере власти;

2) один из способов манипулирования политическими партнёрами или соперниками, направленный для достижения иных по характеру целей, отличных от обоюдного консенсуса.

Второй подход к трактовке центризма описывает его как отдельную идейно-политическую конструкцию. Он предполагает рассмотрение центризма сквозь призму концепции «лево-правого» идеологического спектра. На условной оси между левыми и правыми идеологиями центризм занимает равноудалённое от крайностей положение. Тем самым отвергается определение центризма как ценностно нейтрального явления, поскольку в нём присутствует идейное наполнение, содержащее усреднённый вариант левых и правых идеологем.

А.В. Рябов, считающийся основоположником данного подхода в отечественной политологии, следующим образом описывает программную ориентацию центризма: «Центристский курс предполагает проведение такой линии, которая на практике представляет некую середину между стремлением к экономической эффективности и требованиями социальной справедливости, между свободой предпринимательской деятельности и желанием многих общественных слоев добиться большего социального равенства» [12, с. 19].

Третий подход возводит центризм в ранг системной характеристики. Его основателем является Г.Г. Водолазов. Он понимает центризм как новый тип мышления современности. Характеристиками данной метадоктрины являются ориентированность на партнёрство, консенсус, компромисс. Внутри центризма могут уживаться различные левые и правые идеологии, при этом сам центризм не должен стремиться к выработке собственных программных и идеологических положений, поскольку тщетно пытаться описать всю многогранность актуальной общественной жизни. Задача же центризма состоит в том, чтобы стать пространством диалога для противоположных идеологий, обеспечить условия их взаимодополняемости и механизмы выработки совместных решений. Центризм призван служить основанием для выработки универсальной идейно-политической формулы [26, с. 9-10].

В соответствии с подходами понимания феномена центризма разнятся и концепции, объясняющие его происхождение и распространённость.

Так технологический подход отражает центризм с точки зрения необходимости, факта, вытекающего из реалий политической борьбы. В условиях конкурентного противостояния политических сил, базирующихся на противоположных позициях, возникает нужда в консолидации для выработки единых решений. Это может выражаться либо в принятой практике нахождения общего знаменателя, либо в курсе определённых партий, отражающем собой данную практику и способствующем её формированию.

В рамках трактовки второго подхода центризм является доминирующей идеологической силой в демократических странах Запада. А.В. Глухова объясняет это сложившимся консенсусом относительно основополагающих ценностей, целей и путей их достижения [7]. Разнородные политические силы эволюционно стали

сходиться в идеологическом плане в определении базовых принципов существования общества, что вызвало к жизни центризм в роли главной идеологии.

В.М. Сергеев, А.А. Казанцев, К.Е. Петров именуют сложившийся на Западе центристский консенсус мейнстримом. Для мейнстрима характерно стирание противоречий между противостоящими формально левыми и правыми силами. Идеологический фундамент обоих полюсов составляют глобализм, экономоцентризм, демократизм, рыночность и политическая корректность. Данные установки практически в равной степени разделяются представителями мейнстрима. Так на сегодняшний день речь идёт о соперничестве между левоцентристскими и правоцентристскими политическими силами, программно-идеологическое ядро которых является единым.

Причины формирования мейнстрима авторы видят в падении биполярной политической системы. По их мнению, после 1990-х годов противостояние по линии левые-правые стало слабеть. С исчезновением идеологической альтернативы в лице СССР на Западе постепенно стал складываться консенсус. Произошло парадоксальное соединение левого и правого течений, которое в итоге привело к формированию центристского мейнстрима [15].

Исходя из третьего подхода, выделяется как минимум два объяснения становление центризма в качестве системной характеристики.

1. По мнению Г.Г. Водолазова, тому, что в конце XX века центризм стал доминирующим типом мышления в обществе, способствовало исчезновение острых социальных противоречий. По мнению данного автора, выраженному им вскоре после распада СССР, на тот момент не было оснований говорить ни о классовом антагонизме, ни о борьбе каких-либо социальных групп на уничтожение. Ткань общества изменилась, избавившись от радикальной конфронтационности [26, с. 9-10].

2. А.Л. Андреев пытается описать траекторию развития политических систем. По его словам, данное развитие напоминает маятниковые колебания. Каждая политическая система стремится к тому, чтобы застыть в промежуточном положении, но постоянно проскакивает его. Когда же колебания заканчиваются, то политическая система приходит в необходимую для себя форму – центризм. Андреев утверждает, что в конце XX века центризм установился повсеместно, например, в Западной Европе [10, с. 58].

Отдельной является проблема социальной базы центризма, то есть того, какие страты обеспечивают поддержку центристским силам и способствуют распространённости центризма в политической системе в целом.

Достаточно устоявшимся является убеждение в том, что в обществе основой для центризма выступает средний класс. О подобном писал ещё Аристотель, отмечая, что в его протомодели центристского государства опорой общественного порядка должны быть «средние люди». На это же указывал и опыт европейского парламентаризма начиная с Национального конвента Первой французской республики, в котором центристская депутатская группа «Болото» отражала

интересы мелкой буржуазии – своего рода среднего класса рубежа XVIII-XIX веков.

Это убеждение частично оспаривает А.С. Автономов. Он признаёт, что средний класс может служить основой и причиной для образования центризма, однако одно лишь наличие среднего класса не гарантирует развития центризма в политике. Автономов замечает, что не столько важен сам средний класс, сколько поддержка центристского курса среди широких масс населения [27, с. 115]. Соответственно успехи центризма в западных обществах обусловлены в первую очередь высоким уровнем распространённости умеренных, то есть центристских, настроений.

При рассмотрении успехов центризма через призму электоральных процессов социальная база центризма своеобразно описывается теорией медианного избирателя. Применительно к мажоритарному голосованию теория, являющаяся изначально экономической, оформилась в работе Д. Блэка «Об обосновании группового принятия решений» [28]. Данная теория предполагает выделение из общей массы электората так называемого «медианного избирателя». Последний является как правило носителем центристских убеждений, в то время как остальные группы избирателей придерживаются каких-либо крайних альтернатив. И хотя медианный избиратель может не составлять большинства населения, именно от него зависит исход голосования в мажоритарных избирательных системах, что доказывается в теории с помощью специальной модели и в подавляющем числе случаев подтверждается на практике.

Исходя из прочной взаимосвязи между предпочтениями избирателя-центриста и итогами электоральной гонки, политические силы вынуждены конкурировать между собой за голоса медианного избирателя. Это естественным образом вынуждает их трансформировать свои программы, подстраиваться под центристские убеждения. Р.Д. Конглетон следующим образом описывает влияние медианного избирателя: «Если кандидаты могут свободно выбирать политические позиции, чтобы максимизировать свою долю голосов, оба кандидата будут пытаться принять политические платформы, которые ближе к идеальной политике медианного избирателя... В итоге оба кандидата используют одни и те же платформы» [29, с. 4].

Так теория медианного избирателя даёт объяснение успеха центризма в мажоритарных избирательных системах. Во многом ориентируясь на избирателя-центриста политические силы, претендующие на победу, идеологически переходят в лоно центризма, что обуславливает частичное или полное вычищение политического поля от нецентристских сил. Власть может переходить от одной политической силы, к другой, но неизменными остаются центристская направленность доминирующих политических сил и центристский характер политической системы в целом.

Изложенные подходы и концепции позволяют судить о политическом центризме как о многогранном явлении. Различные тенденции в понимании центризма указывают на поливариативность значения данного термина, что

объясняет отсутствие единого определения в политической науке. Разнообразие теорий, посвящённых объяснению происхождения и распространения центризма, не является проявлением противоречивости, а лишь подчёркивает обширный характер феномена. Тем не менее, как минимум три существующие направления трактовки категории политического центризма не отменяют необходимости универсализации определения в соответствии с каждым из измерений – технологическое, идеологическое и системное. Лишь полноценная систематизация знаний о явлении способна привести к созданию стройной теории политического центризма, которая будет способна давать более конкретные ответы на вопросы, стоящие на данный момент перед исследователями.

Ссылки и примечания:

1. Дюверже М. Политические партии / пер. с фр. Л. А. Зиминной. – М.: Академический проект, 2002. – 560 с.
2. Сартори Дж. Партии и партийные системы. – М.: Приор-издат, 2002. – 360 с.
3. Daalder H. State Formation, Parties and Democracy: Studies in Comparative European Politics. – Colchester: ECPR Press, 2011. – 304 p.
4. Knutsen O. Europeans move towards the center: a comparative longitudinal study of left–right self-placement in Western Europe. – Lincoln: International Journal of Public Opinion Research, 1998. – 24 p.
5. Mertes M. Germany's Social and Political Culture: Change through Consensus? – Massachusetts: MIT Press, 1994. – 32 p.
6. Поппер К. Открытое общество и его враги. – Ростов н/Д.: Феникс, 1992. – 447 с.
7. Глухова А. В. Политический центризм в посттоталитарном обществе: опыт и проблемы // Государство и право. 1993. – № 3. – С. 102-112.
8. Ильин М. В. Природа и смысл центристской политики // Власть. 1998. – № 8-9. – С. 27-36.
9. Соловьев А. И. Культурные противоречия центризма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Политические науки. 1999. – № 4. – С. 33-53.
10. Андреев А. Л. Центризм вообще и центризм по-российски (к анализу национальных контекстов центризма) // Политический центризм в России. 1999. – С. 54-58.
11. Миронов В. Н. Россия и центризм // Свободная мысль. 1993. – № 12. – С. 3-19.
12. Рябов А. В. Выстрадает ли Россия центризм? // Кентавр. 1992. № 9-10. – С. 18-27.
13. Семенов О. В. Патриотизм плюс либерализм, плюс социальные гарантии // Политический центризм в России: парадигмы развития. 1995. – С. 85-87.
14. Мурашева Е. В. Центризм как общественно-политическое явление. – М.: РОССПЭН, 2010. – 311 с.
15. Сергеев В. М., Казанцев А. А., Петров К. Е. Политика “мейнстрима” и ее альтернативы в современном западном мире: на пути от мирового

- экономического кризиса к “невозможной политике”? // Полис. Политические исследования. 2017. – № 3. – С. 8-29.
16. Лукьянов А. Е., Титаренко М. Л. Конфуцианский трактат «Чжун юн»: Переводы и исследования. – М.: Восточная литература, 2003. – 247 с.
 17. Платон. Государство. Законы. Политик. – М.: Мысль, 1998. – 798 с.
 18. Асмус В. Ф. Античная философия / В. Ф. Асмус. 3-е изд. – М.: Высшая школа, 1998. – 400 с.
 19. Полибий. Из истории политической и правовой мысли / С. Б. Мирзаев [и др.]. – М.: Юридическая литература, 1986. – 112 с.
 20. Монтескье Ш. О духе законов / сост., пер. и коммент. примеч. авт. А. В. Матешук. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.
 21. Толпыго А. К. Загадки истории. Злодеи и жертвы Французской революции. – Харьков: Фолио, 2016. – 410 с.
 22. Чудинов А. В. Болото (РИЭ, 2015) [Электронный ресурс] // Понятия и категории: [сайт]. [2015]. URL: <http://ponjatija.ru/node/18979>.
 23. Плотицкина Н. В. Политический центризм в истории политических учений // Южно-российский журнал социальных наук. 2006. №1. – С. 24-35.
 24. Каганова Р. Ю. Ленин во Франции. Декабрь 1908 - июнь 1912. Революционер, теоретик, организатор. – М.: Мысль, 1972. – 430 с.
 25. Доронченков А. И., Надолишний П. И. Политический центризм и межнациональные отношения (к постановке проблемы) // Кентавр. 1992. № 1-2. – С. 20-31.
 26. Водолазов Г. Г. Центризм – это новый тип мышления // Общественные науки и современность. 1993. – № 5. – С. 9-11.
 27. Автономов А. С. Средний класс и центризм // Полития. 2000. – № 1(15). – С. 110-116.
 28. Black D. On the Rationale of Group Decision-making // Journal of Political Economy. 1948. Vol. 56. № 1. – P. 23–34.
 29. Congleton R. D. The median voter model // The encyclopedia of public choice. 2004. – P. 707–712.

УДК 323.19(=161.1)(47+57)

Ю.Б. Николаев

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: kolaev55@mail.ru

АНТИРУССКИЙ ВЕКТОР СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация

В РСФСР при учреждении СССР была создана государственная структура, которая в отличие от остальных союзных республик не предусматривала наличия верховной политической власти в виде республиканского комитета компартии, во главе с первым секретарём. Областные организации российской компартии замыкались непосредственно на общесоюзный центральный комитет. Созданная бюрократическая структура РСФСР не позволяла ей отстаивать свои интересы в ЦК КПСС и превращала республику в армию без генерального штаба и главнокомандующего. По этой причине стали возможными неконтролируемые российскими властями перераспределения территориальных и иных экономических ресурсов РСФСР в пользу других республик СССР. Попытка урегулировать ситуацию путём создания российской республиканской компартии была жестоко подавлена. Поддержавшие идею создания российской компартии, подверглись репрессиям по "Ленинградскому делу".

Ключевые слова: ленинская национальная политика, «Ленинградское дело», национализм, шовинизм, неравенство республик в СССР.

Summary

In the RSFSR, when the USSR was established, a state structure was created, which, unlike the rest of the Union republics, did not provide for the existence of supreme political power in the form of a republican committee of the Communist Party, headed by the first secretary. The regional organizations of the Russian Communist Party were closed directly to the All-Union central committee. The created bureaucratic structure of the RSFSR did not allow it to defend its interests in the Central Committee of the CPSU and turned the republic into an army without a general staff and commander-in-chief. For this reason, the redistribution of territorial and other economic resources of the RSFSR in favor of other republics of the USSR, uncontrolled by the Russian authorities, became possible. The attempt to resolve the situation by creating the Russian Republican Communist Party was brutally suppressed. Those who supported the idea of creating a Russian Communist Party were subjected to repression in the "Leningrad affair".

Keywords: Lenin's national policy, the "Leningrad affair", nationalism, chauvinism, inequality of republics in the USSR.

Целью настоящей статьи является исследование особенностей организационной структуры СССР, обеспечивающих возможности изъятий территориальных и иных экономических ресурсов Российской Федерации в пользу других союзных республик.

Обозначенную проблему изучал В.Д. Кузнечевский. В своей работе «Ленинградское дело» он исследовал ее репрессивную сторону и этнический характер, направленный исключительно против русских по происхождению членов ВКП(б) [1]. Он отмечает, что "Ленинградское дело" является одним из самых мало изученных процессов сталинской эпохи [1]. Еще менее изученными являются условия советской действительности того времени, ставшие предпосылками данных событий. В.Д. Кузнечевский также фиксирует процесс перекачки прибавочного продукта из РСФСР в союзные республики СССР [1]. «Ленинградское дело также изучали доктора исторических наук Д. Л. Бранденбергер и В. А. Кутузов, кандидаты исторических наук А.А. Амосова и А.В. Сушков и др. исследователи [2;3;4].

Актуальность настоящего исследования обусловлена наличием в российской действительности пришедших из СССР идеализированных представлений о существовавшем в нем равноправии и дружбе народов. В действительности РСФСР и русский народ под давлением союзных властей по указанию свыше отдавали свои территориальные и экономические ресурсы другим республикам, а дружба народов этих республик прекратилась в 1991 году.

Задачей исследования является вскрытие существовавшего в СССР механизма изъятия ресурсов РСФСР и их перераспределения в пользу других республик перераспределения, а также иллюстрация, что СССР скрепляла не дружба народов, а материальная заинтересованность в бесплатных российских ресурсах.

Предпосылкой исследования стала необходимость осмысления этнической ситуации в РФ и нынешнего положения в нем русского народа и возможных путей формирования российского национального государства.

Для ответа на поставленный вопрос необходимо исследовать понимание национального вопроса во властных структурах страны того периода. Принятая на втором съезде РДРП в 1903 году программа партии предусматривала конституционное закрепление права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства [5]. В марте 1919 года на восьмом съезде РКП(б) разгорелась полемика по вопросу о праве наций на самоопределение. Суть возникшей дискуссии по национальному вопросу заключалась в том, что одна из сторон в лице В.И. Ленина и И.В. Сталина выступали за формирование наций из проживающих в Российском государстве недоминирующих этнических групп, другой стороной были интернационалисты Г.Л. Пятаков и Н.И. Бухарин, которые считали, что после победы революции национальное самоопределение становится ненужным [6]. Победившая точка зрения заключалась в том, что «...когда нациям будут представлены различные формы государственности, национализм будет

побежден». Такая политика ускорит классовую дифференциацию и, следовательно, позволит партии заручиться поддержкой нерусского пролетариата и крестьянства, которые помогут ей осуществлять социалистическую программу» [7]. В.И. Ленин подходил к вопросу понимания национализма в рамках марксистской парадигмы, предусматривающей осуществление мировой революции; построение коммунистического общества и исчезновение на этом пути всех противоречий между нациями [8].

В результате он столкнулся с тем, что в этнических отношениях классовая теория марксизма, утверждавшего, что «Вместе с антагонизмом классов внутри наций падают и враждебные отношения наций между собой», – не работает [8]. Между тем то, что «... во время революции и Гражданской войны национализм неожиданно проявил себя в качестве мощной мобилизующей силы, его очень изумило и обеспокоило» [7].

В поисках выхода из создавшейся ситуации В.И. Ленин выдвигает идею, согласно которой предсказанное К. Марксом и Ф. Энгельсом падение «враждебных отношений наций между собой» может произойти только при условии, если сами нации окажутся достаточно развитыми [9]. Для форсированного развития наций В.И. Ленин и И.В. Сталин используют территориальные, экономические и людские ресурсы русского народа, при этом никоим образом с ним самим этого не согласовывая. Основным аргументом решения данного вопроса стала диктатура пролетариата, в реальности партократии. Вопреки указаниям К. Маркса, диктатура была применена не против классового врага и контрреволюции, а против доминирующей в государстве этнической группы с целью лишения русских равноправия с другими народами СССР, а также их эксплуатации для блага этих народов.

В.И. Ленин объявляет националистами (в данной трактовке корректнее было бы говорить о шовинистах) всех сидящих в своих деревнях русских мужиков, которые могли никогда не видеть инородцев:

- «Суть дела не в Польше и ее отделении, а в русском мужике» [10];
- «Отпор национализму русского мужика не только в требовании неугнетения наций, не только в автономии, а обязательно в праве отделения» [10];
- «Отрицать право на отделение значит помогать царизму, потакать национализму русского мужика» [11].

- «Капитализм ставит на место тупого, заскорюзлого, оседлого и медвежьидикого мужика великоросса... [12]»

- «При таких условиях очень естественно, что «свобода выхода из союза», которой мы оправдываем себя, окажется пустою бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ [13]. Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке» [13].

Отождествляя «подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ» с образом всего русского народа, В.И. Ленин оказывает ему медвежью услугу [13]. Им было создано целое наследие антирусских и антироссийских высказываний «...которое потом вошло в большевистский лексикон и стало бесценным оружием в риторических арсеналах национальных республик» [14].

По мнению историка Михаила Смолина: «Джугашвили (Сталин) у большевиков считался специалистом в национальном вопросе, почему и был назначен народным комиссаром по делам национальностей РСФСР (1917 – 1923 гг.)» [15]. 15 марта 1921 года он выступал на X съезде РКП(б), где сказал: «Первый период – это период ликвидации феодализма на Западе и победы капитализма. Складывание людей в нации приурочивается к этому периоду. Я имею в виду такие страны, как Англию (без Ирландии), Францию, Италию. На Западе – в Англии, Франции, Италии и отчасти Германии – период ликвидации феодализма и складывания людей в нации по времени в общем и целом совпал с периодом появления централизованных государств, ввиду чего там нации при своем развитии облекались в государственные формы. И поскольку внутри этих государств не было других национальных групп сколько-нибудь значительных, постольку там не было и национального гнета» [16]. Из сказанного можно сделать вывод о том, что И. В. Сталин не очень хорошо знал историю западных государств и был далек от понимания процессов формирования первых европейских наций, которые сегодня принято называть конструктивистскими. Даже в настоящее время на европейской территории Франции помимо государственного французского языка имеется 24 автохтонных миноритарных языка, и их носители не имеют статуса национальных меньшинств, а тем более права на самоопределение [17]. Являясь представителем недоминирующей в государстве этнической группы, И.В. Сталин имел националистическое чувство по отношению к доминирующей в России русской этнической группе и поэтому выступал против великорусского шовинизма. С другой стороны, «Основываясь на опыте, приобретенном в Грузии, И.В. Сталин понимал, что грузинскому национализму тоже присуще стремление к великодержавному угнетению и эксплуатации своих национальных меньшинств – осетинского и абхазского» [14;18].

Для подготовки к очередному пленуму Центрального Комитета партии вопрос о взаимоотношениях РСФСР и независимых национальных советских республик решением Политбюро ЦК РКП(б) от 10 августа 1922 года была создана комиссия Оргбюро ЦК, образованная 11 августа, в которую в числе других вошел И.В. Сталин. Им был разработан проект резолюции комиссии – «О взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками», который предусматривал вступление Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и Армении в Российскую федерацию на правах автономных республик [19].

25 сентября материалы комиссии с проектом И.В. Сталина были направлены В.И. Ленину в Горки. 26 сентября В.И. Ленин имел беседу с И.В. Сталиным и в тот же день направил письмо в адрес Л.Н. Каменева с указанием разослать копии всем членам Политбюро [20]. Из письма следует, что И.В. Сталин отстаивал идею

создания будущего государства на принципах автономий, но В.И. Ленин продавливал свою точку зрения, основанной на идее создания Союза Советских Социалистических Республик, на условиях полного равноправия субъектов федерации [21]. Понимая, что ЦК ВКП(б) поддержит В.И. Ленина, И.В. Сталин также согласился с его точкой зрения [22].

18 декабря 1922 года Пленум ЦК принял проект Союзного договора. С 23 декабря 1922 года в Москве проходил X Всероссийский съезд Советов. С докладом об образовании СССР выступил И.В. Сталин. Оглашенный им проект резолюции, одобренный накануне Президиумом ВЦИК, включал положения, принятые съездами других республик: добровольность и равноправие республик с сохранением за каждой из них права свободного выхода из Союза.

30 декабря 1922 года первый Съезд Советов СССР принял Декларацию об образовании Союза Советских Социалистических Республик утвердил и Союзный Договор, подписанные накануне представителями РСФСР, Украинской и Белорусской советских социалистических республик, а также Закавказской федерации. В качестве основных принципов объединения Декларация определила: равноправие и добровольность объединения, право свободного выхода из СССР и право вступления в него других республик. Союзный Договор регламентировал взаимоотношения между республиками и центром [23;24].

С момента победы Октябрьской революции РКП(б) становится ведущей политической силой в государстве. В.И. Ленин приравнивал отказ от руководящей роли пролетарской партии к полному разоружению перед буржуазией [25]. Согласно статье 126 Конституции СССР 1936 года ВКП(б) – руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных [26].

Позднее в Ст.6 Конституции СССР 1977 года КПСС была признана руководящей и направляющей силой советского общества [27].

Помимо формальных институтов в Советском Союзе важную роль играли неформальные политические связи и негласные механизмы управления [28]. Как писал В.И. Ленин: «Диктатуру осуществляет организованный в Советы пролетариат, которым руководит коммунистическая партия большевиков, имеющая... [29]»

Отличительной особенностью РСФСР от других республик, начиная с момента создания СССР 30 декабря 1922 года, являлось отсутствие в ней республиканской коммунистической партии. Таким образом, в условиях, когда коммунистическая партия выполняла роль руководящей силы в государстве, Россия искусственно была поставлена в заведомо проигрышную ситуацию. В Российской Федерации были областные партийные организации, которые замыкались непосредственно на ЦК ВКП(б), но при этом отсутствовало российское республиканское бюро (позднее ЦК) ВКП(б). Таким образом, в интерпретации Конституции СССР 1936 года, РСФСР не имела своего «руководящего ядра», а в интерпретации Конституции СССР 1977 года не имела «руководящей и направляющей силы» [26;27]. В этих условиях российские коммунисты являлись армией без генерального штаба (республиканского бюро или ЦК) и

главнокомандующего (первого секретаря республиканского бюро или ЦК), в связи с чем представляли собой неорганизованную аморфную массу. По этой причине РСФСР не имела возможности выносить свои вопросы и предложения для рассмотрения в ЦК ВКП(б) СССР от имени всей республики. Материалы, подготовленные на уровне областных партийных организаций, не имели республиканского статуса, как те, которые вносились от имени ЦК партий других союзных республик. При решении задач республиканского уровня и масштаб «руководящего ядра» должен быть республиканским. Отсутствие до 1990 года в РСФСР республиканской компартии надёжно обеспечивало распыление сил российских коммунистов, а значит и управляемость Россией сверху. Бюрократическое структурное решение лишало Россию возможности принятия важных политических решений как в отношении самой себя, так и её участия в принятии таких решений касательно всего СССР в целом. Совет Министров РСФСР являлся хозяйственным органом и не имел возможности отказаться от выполнения решений ЦК КПСС, даже если они противоречили интересам республики. Периодически обиравшиеся съезды советов также не были в состоянии решить российские проблемы, поскольку выдвижение депутатов в них производилось исключительно «руководящим ядром» всего СССР, и как следствие голосовали за заранее подготовленные тем же «ядром» проекты резолюций [29]. Сформированная большевиками под руководством В.И. Ленина в 1922 году организационная структура РСФСР лишала ее равноправия с другими советскими республиками и обеспечивала этнически русским только культурную автономию. Во всех других республиках СССР русские в довоенный период были лишены права даже на культурную автономию и подлежали принудительной коренизации (ассимиляции).

В итоге, по причине отсутствия российской республиканской коммунистической партии, все важные решения в отношении РСФСР принимались ЦК КПСС, которые во многих случаях не отвечали интересам России. Заявленные в Конституциях СССР равноправие республик и их право свободного выхода из Союза на РСФСР не распространялось, поскольку Россия была искусственно лишена механизма их реализации [26;27]. Такая организационная структура РСФСР позволяла ЦК КПСС беспрепятственно изымать у России экономические, территориальные и людские ресурсы и перераспределять их в пользу других союзных республик. Так 5 декабря 1936 года из состава РСФСР были выведена Казахская АССР, площадь которой на 1 января 1933 г. составляла 2717,3 тыс. км [30]; Киргизская АССР площадью 198,5 тыс. км² [31]; Каракалпакская АССР площадью 160 тыс. км² [32]. До этого были сформированы никогда ранее не существовавшие государственные образования Украина и Белоруссия ССР, идеи создания которых вынашивали западные, в том числе и германские стратеги [33].

В результате манипуляций советских властей, осуществлённых без согласования с народом России, вместе с российскими территориями миллионы русских людей, не изменив своего места жительства, оказались вначале жителями других республик, а с 1991 года и вовсе гражданами иностранных государств. Все

эти трансформации имели явно выраженный антирусский характер, поскольку проводились без учета мнения населения как передаваемых территорий, так и всей Российской Федерации в целом. Так большевики расформировали Донецко-Криворожскую Республику, жители которой считали себя русскими, а республику неотъемлемой частью РСФСР, и передали ее территорию вместе с населением Украине, признания которой требовала немецкая сторона по Брестскому мирному договору от 3 марта 1918 года. «Россия обязывается немедленно заключить мир с Украинской народной республикой и признать мирный договор между этим государством и державами четверного союза. Территория Украины незамедлительно очищается от русских войск и русской красной гвардии. Россия прекращает всякую агитацию или пропаганду против правительства или общественных учреждений Украинской народной республики» [34;35].

Договор от 3 марта 1918 года является первым международным документом, в котором Украина упоминается как государство. «2 июня 1918 года Берлин официально признал независимость Украинской державы во главе со своим ставленником – гетманом Скоропадским» [36].

17 февраля 1919 г. Совет обороны РСФСР под руководством Ленина принял следующее постановление: «Просить т. Сталина через Бюро ЦК провести уничтожение Кривдонбасса» [37].

Анализ программ РСДРП и ВКП(б) показывает, что создание союзных республик и передача им российских территорий с последующей коренизацией русского населения (в том числе – украинизации) они не предусматривали.

Большевистская коренизация по своей сути являлась насильственной ассимиляцией этнически русских в искусственно созданных союзных республиках. Большевики, борясь одной рукой с русским шовинизмом, – другой возвращали многочисленные шовинизмы титульных народов в национальных республиках. Идея их действий состояла в том, чтобы сфабриковать и продемонстрировать миру доказательства стремительного развития наций при социализме, путем переименования русских в украинцев, казахов и т.п. В качестве маркеров, демонстрирующих успешное развитие, использовались показатели роста среднего уровня образования и «пролетарской прослойки» в общем составе населения республик. В случае Украины это достигалось путем передачи ей промышленно-развитых регионов Слобожанщины, Донбасса и Новороссии, а в случае Казахстана – передачей русских Семипалатинской, Восточно-Казахстанской (Усть-Каменогорск), Павлодарской областей.

В 1954 году Украине был передан никогда не принадлежавший ей Крым. В своих воспоминаниях сын бывшего первого секретаря ЦК КПСС Н.С.Хрущева заявил, что передача Крыма Украине была обусловлена его географическим положением и явилось «правильным структурным решением» [38]. Возникшая после 1991 года ситуация однозначно доказывает, что правильным структурным решением было бы вернуть Новороссию в состав Российской Федерации, и тогда Крым географически примыкал бы к ее территории.

Разработанная В.И. Лениным и И.В. Сталиным национальная политика ВКП(б) предусматривала развитие всех народов СССР исключительно за счет ресурсов РСФСР. «В 1925 г. доля собственных доходов в бюджете Таджикской ССР составляла 8%, Туркменской ССР – 10, Украинской ССР – менее 40; ЗСФСР – 36%. Г.К. Орджоникидзе говорил по этому поводу: "Советская Россия, пополняя наш бюджет, дает нам в год 24 млн руб. золотом, и мы, конечно, не платим ей за это никаких процентов... Армения, например, возрождается не за счет крестьян, а на средства Советской России"» [39]. Такое положение дел продолжалось вплоть до 1990 года, когда первый председатель Совета Министров независимой России И.С. Силаев, проанализировав экономическую ситуацию, установил, что на протяжении всего советского периода РСФСР ежегодно выплачивала союзным республикам, включая Украину, более 30% ежегодного своего бюджета, о чем он доложил президенту России Борису Ельцину. Новое независимое правительство РСФСР заложило в бюджет на нужды дотационного фонда всего 10 млрд рублей при условии выдачи из него средств республикам в кредит с обязательным его погашением поставками своей продукции в оговоренный срок [1].

Еще 21 августа 1923 г. постановлением ВЦИК от был создан Союзно-республиканский дотационный фонд СССР, средства из которого стали направляться на экономическое и социальное развитие всех союзных республик, за исключением РСФСР из бюджетных средств которой он формировался [1].

Реагируя на справедливый шаг России, «республиканские лидеры, включая Украину и прибалтийские союзные республики, тут же потребовали от президента СССР М. Горбачева поставить русских на место» [1]. Для понимания порядка цифр изъятий из бюджета РСФСР в советское время необходимо указать, что во времена татаро-монгольского ига взимаемый прямой налог (ясак) составлял 10% [40;41;42].

Вопрос создания российской республиканской коммунистической партии периодически поднимался российскими коммунистами, но всякий раз безуспешно.

В структуре КПСС существовали республиканские партии от всех союзных республик за исключением РСФСР. В 1956—1966 существовало бюро ЦК по РСФСР, с 1989 – Российское бюро ЦК КПСС [43].

Одним из наиболее ярких примеров попыток создать российскую республиканскую компартию была предпринята во второй половине сороковых годов выдвиженцами Ленинградской парторганизации и была жестоко подавлена. Доктор исторических наук В.Д. Кузнечевский, исследовавший материалы уголовного дела, получившего название «Ленинградское дело», пишет, что Г.В. Маленков и Л.П. Берия угадали скрытые мысли И. Сталина в отношении «Ленинградского дела» и в проекте письма в ЦК указали, что группа Кузнецова неоднократно обсуждала вопрос о необходимости создания РКП(б) и ЦК РКП(б), поскольку «ЦК ВКП(б) и союзное правительство проводят антирусскую политику и осуществляют протекционизм в отношении других национальных республик за счёт русского народа» [1]. Таким способом московская группировка устраняла конкурентов в борьбе за власть из Ленинграда.

Создание российской республиканской коммунистической партии, за что выступали фигуранты «Ленинградского дела», естественным образом обнажило бы изживенческий характер национальной политики ЦК ВКП(б) в республиках СССР и её откровенно несправедливую направленность по отношению к РСФСР. В случае создания Российского республиканского бюро ВКП(б) оно не смогло бы пройти мимо и не вынести этот вопрос на обсуждение ЦК ВКП(б), и тогда бы оказалось, что разработанная В.И. Лениным и И.В. Сталиным национальная политика, связанная с системным изъятием российских территорий и материальных средств, противоречит интересам русского народа и никак с ним не согласована.

Сталин не мог допустить разоблачения его двойной морали в национальном вопросе, и, вероятно, по этой причине пошел на физическое уничтожение, проходящих по «Ленинградскому делу» этнически русских представителей партийной верхушки, посмеявших поднять вопрос о своем равноправии с другими народами советского государства, продекларированном во всех программах партии и всех конституциях СССР [5;44;45;26;27]

Объявив в 1948 году, что он хотел бы видеть в качестве своих преемников в руководстве государством и партией Николая Вознесенского и Алексея Кузнецова, Генсек потом «передумал» [1]. Очевидно, что И.В. Сталин, выделил их как квалифицированных специалистов, в 1946 году перевел на работу в Москву и приблизил к себе. А, познакомившись поближе, он увидел их озабоченность нарушением прав русского народа, постоянно обираемого в пользу других союзных республик [1]. В.Д. Кузнечевский отмечает, что проходившие по «Ленинградскому делу» лица ставили своей целью создание этнически русского правительства и даже разрушение СССР, чем и была вызвана категоричность И.В. Сталина в отношении «ленинградцев» [1]. Намерение разрушить СССР скорее всего является плодом фантазий недоброжелателей. Являясь продуктами своего времени, Н. Вознесенский и А. Кузнецова, скорее всего, могли ставить более приземленные цели, например, уравнивание в правах РСФСР с другими республиками СССР. В любом случае это бы продемонстрировало расхождение слов и дел в национальной политике ВКП(б), чего Сталин допустить не мог.

Проблема создания республиканской партии в России поднималась не только ленинградцами. Так 27 сентября 1947 г. председатель Совета Министров РСФСР М. Родионов, являвшийся выходцем из Нижегородской губернии, направил И. Сталину официальную записку с просьбой рассмотреть вопрос о создании Бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР [1]. И нижегородец М. Родионов, и ленинградцы А. Кузнецов, и М. Вознесенский могли считать, что достаточно вскрыть несправедливость и можно будет принять правильное решение. Но действительность оказалась другой.

Из исследования В.Д. Кузнечевского следует, что Ленинградское дело имело две составляющие:

- Первое борьба группировок за власть. Московская команда (Л.П. Берия, Г.М. Маленков, Н.С. Хрущев) враждебно восприняла переходящих ей дорогу выдвиженцев из Ленинграда (А.А. Кузнецов и Н.А. Вознесенский) [1].

- Этническая составляющая. Представители русского народа (М.И. Родионов, Н.А. Вознесенский, А.А. Кузнецов) в очередной раз пытались добиться равноправия РСФСР с другими народами СССР путем создания российской республиканской организации ВКП(б). Воспользовавшись допущенными «ленинградцами» фактами проявления озабоченности несправедливым отношением к русскому народу, московские коллеги подставили их под гнев грузинского националиста И.В. Сталина. Как вытекает из конструктивистской модели формирования национального государства, являясь по этническому происхождению грузином, И.В. Сталин был грузинским националистом по отношению к доминирующей этнической группе и грузинским шовинистом по отношению ко всем недоминирующим этническим группам России. Первое выразилось в его патологической жестокости к русским; разграблении экономических и территориальных ресурсов РСФСР в пользу других республик; коренизации этнически русского населения на территориях, переданных союзным республикам. Равно такую же коренизацию (ассимиляцию) грузинского населения в Российской империи И.В. Сталин и В.И. Ленин считали проявлением шовинизма «великорусской швали» [13].

Против антирусской национальной политики ВКП(б) высказывались выдвиженцы из ленинградской партийной организации. Главной особенностью «Ленинградского дела» являлось то, что репрессии по нему производились исключительно по этническому признаку, что продолжалось до самой смерти И.В. Сталина. По всей стране были репрессированы более 32 тыс. этнически русских руководителей партийного, государственного, хозяйственного звена [1]. До конца жизни И.В. Сталин продолжал реализовывать свои националистические чувства.

Второе – именно этнические (в данном случае националистические) чувства вождя побуждали его создавать тепличные условия для своих соплеменников. Так по данным, приведенным в газете «Советская Россия» в советское время в Грузии потребление на душу населения было в 3,5 раза выше, чем в России [46;47].

Таким образом, анализ предпосылок и особенностей реализации советской этнической политики позволил прийти к следующим выводам.

Во-первых, советская этнополитика изначально имела антирусский характер и противоречила задекларированным в программе РСДРП принципам.

Во-вторых, механизм распределения ресурсов был насильственным, имел явно выраженный односторонний характер и явился следствием отсутствия республиканской компартии РСФСР.

В-третьих, попытки отстаивать права РСФСР, защитить интересы России вызывали жесткое сопротивление союзного центра и приводили к репрессиям, что свидетельствует о намеренных действиях, советскими властей.

В-четвертых, данная тенденция имела негативные территориальные, экономические и моральные последствия для Российской Федерации и этнически русских жителей бывших союзных республик при распаде СССР.

Ссылки и примечания:

1. Кузнечевский В. Д. Ленинградское дело: наивная попытка создать этнически чистое русское правительство была утоплена в крови. – М.: РИСИ, 2013. – С. 79.
2. Амосова А. А., Бранденбергер, Д. Л. Новейшие подходы к интерпретации «Ленинградского дела» конца 1940-х — начала 1950-х годов в российских научно-популярных изданиях // Новейшая история России. – 2017. № 1. – С. 94-113.
3. Кутузов В. А. Так называемое «Ленинградское дело» // Вопросы истории КПСС. – 1989. № 3. – С.62-64
4. Сушков А. В. Ленинградское дело. Генеральная чистка колыбели революции. – Екатеринбург: Альфа Принт. 2018. – 182 с.
5. Программа Российской социал-демократической партии, принятая на II съезде партии. / Второй съезд РСДРП / июль-август 1903 года / Протоколы / М.: Госполитиздат, 1958. – С. 421.
6. Восьмой съезд РКП(б) 18-23 марта 1919 года. – М.: Партийное издательство. 1933. – С.54-55; 105-108.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М.: Госполитиздат, 1950. – С.53.
8. Там же.
9. Ленин В.И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение. Собрание сочинений. – Т. XIX Национальный вопрос (1910—1920 гг.). – М.: Госиздат, 1925. – С.155-166.
10. Ленин В.И. Тезисы реферата по национальному вопросу. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма- ленинизма при ЦК КПСС. - 5-е изд. Москва: Госполитиздат. 1958-1965. Т. 24. – С.385-395.
11. Ленин В.И. Тезисы реферата по ... – С. 395.
12. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу. ПСС Т. 24. – С.113-150.
13. Ленин В.И. К вопросу об автономизации. ПСС. Т.45 – С.356-362.
14. Мартин Т. Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР. 1923-1929. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 855 с.
15. Смолин М. Советская борьба с русским «великодержавным шовинизмом» Интернет-ресурс Русская идея – URL: <https://rusidea.org/>
16. Сталин И. В. Доклад Об очередных задачах партии в национальном вопросе 8-16 марта 1921 г. Десятый съезд Российской коммунистической партии. Стенографический отчет. М. 1921. – С.181.

17. Rapport au Ministre de l'Education Nationale, de la Recherche et de la Technologie, et à la Ministre de la Culture et de la Интернет-ресурс: République Française – URL: <https://www.vie-publique.fr/rapport/24941-les-langues-de-france-rapport-au-ministre-de-leducation-nationale-de>
18. Двенадцатый съезд РКП(б) 17-25 апреля 1923 года. М. : Изд-во полит. литературы. 1968. – С.479-495.
19. Ленин В. И. Примечания. ПСС. Т. 45. – С.556.
20. Там же. – С.558.
21. Ленин В. И. Письмо Л.Б. Каменеву для членов Политбюро ЦК РКП (б) от 26.09.1921. ПСС. Т. 45. – С.211-213.
22. Ленин В. И. Примечания. ПСС. Т. 45. С.558.
23. Гросул В. Я. Образование СССР (1917-1924 гг.). – М. : ИТРК, 2007. – 216 с.
24. Декларация об образовании Союза ССР Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сб. документов. Под ред. Ю.И. Кораблева. – М. : 1972. – С. 379-381.
25. Ленин В. И. ПСС изд. 5-е Т. 41. Предисловие. – М. : Политиздат. 1981 С. XIV.
26. Советские конституции. Хрестоматия. В 4 частях. Часть 3. СССР. 1936-1977 гг. / Сост. Д. В. Кузнецов. [Электронный ресурс]. – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. – 418 с. URL: <http://istfil.bgpu.ru/>
27. Там же. – С.15.
28. Лившин А. Я. (2018) Коммунистическая партия в системе власти в СССР // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 3. – С.13–35.
29. Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме ПСС Изд. 5. Т. 41. / М. : Политиздат, 1981. – С.30.
30. Казахская АССР Интернет-ресурс Академик – URL.: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/950024>
31. Киргизская АССР Интернет-ресурс Академик – URL.: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/95540/%D0%9A%D0%B8%D1%80%D0%B3%D0%B8%D0%B7%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F>
32. Каракалпакская АССР Интернет-ресурс Академик – URL.: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/955517>
33. Баринов И. И. Украинская доктрина в политике Австро-Венгрии и генезис украинского национализма. – С.70-89.
34. Корнилов В. В. Донецко-Криворожская республика. / В. В. Корнилов. – Харьков : Фолио., 2011. – 603 с.
35. Статья 6 Брестского мирного договора от 03 марта 1918 года. – URL: http://www.hrono.ru/dokum/191_dok/19180303brest.php
36. Князев С. «Прикрытие оккупационного режима»: как в 1918 году Германия признала независимость Украинской державы Интернет-издание RT на русском, URL: <https://russian.rt.com/science/article/519084-germaniya-ukraina-priznaniye>

37. Корнилов, В. В. Донецко-Криворожская республика...
38. Сын Хрущева рассказал о причинах передачи Крыма Украине Газета Интернет-сайт газеты Известия от сентября 2017 года. – URL: <https://iz.ru/641469/2017-09-05/syn-khrushcheva-rasskazal-o-prichinakh-peredachi-kryma-ukraine>
39. Чеботарева В. Г. Россия: донор или метрополия: Материалы международного симпозиума "Куда идет Россия?" / Под ред. Т. И. Заславской. М. : Аспект-Пресс. 1995. – С.343–344.
40. Волынец А. Сколько Русь платила Орде? Интернет-ресурс Русская планета URL: <https://rusplt.ru/society/skolko-rus-platila-orde-14488.html>
41. Захаров, В. Н., Петров, Ю. А., Шацилло, М. К. История налогов в России. IX — начало XX в. – М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. 296с. (Серия «Экономическая история. Документы, исследования, переводы») – С.20
42. Налоги : Учеб. пособие для вузов по направлению "Экономика", специальностям "Финансы и кредит" и "Бухгалтер. учет и аудит" / Д. Г. Черник и др.; Под ред. Д. Г. Черника. - 2-е изд., перераб. и доп. - М: Финансы и статистика, 1996. - С.32.
43. Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898 – 1991 гг. URL: http://www.knowbysight.info/2_KPSS/06529.asp?ysclid=1763imbwtm607293171
44. Программа РКП(б) Восьмой съезд РКП(б) 18-23 марта 1919 года под. ред. Ем. Ярославского. М.: Парт. издат. 1933. – С.379-400.
45. Советские конституции. Хрестоматия. В 4 частях. Часть 2. СССР, 1922-1936 гг. / Сост. Д. В. Кузнецов. [Электронный ресурс]. – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. – 334 с. URL: <http://istfil.bgpu.ru/>
46. Запольскис А. Кто кого кормил в СССР и кто больше проиграл от его развала. Интернет-ресурс Комсомольская Правда – URL: <https://www.kp.ru/daily/26571.7/3586720/>
47. Советская Россия. 1992. №№ 98, 99, 100.

Научное издание

**ЖУРНАЛ
ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Выпуск № 4 (79) 2021 год
под редакцией С.В. Беспаловой

*Рекомендовано к печати Ученым советом
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
25.02.2021 (протокол № 2)*

Редакция сборника

Главный редактор – кандидат исторических наук,
доц. **Разумный Виталий Витальевич**
Тел.: +38 (062) 302-07-25
e-mail: donnu.hist@donnu.ru

Ответственный за выпуск – Бобровский А.С.

Компьютерная верстка:
Посредников Д.В.
Художественное оформление:
Грудева Е.Г.

Ответственный секретарь:
Посредников Д.В., к-т ист. наук

Адрес редакции научного журнала:
исторический факультет
ул. Университетская 24,
г. Донецк,
283001

Издательство Донецкого национального университета
283001, Донецк, ул. Университетская, 24

Подписано к печати 01.03.2021 г. Формат 60x84/8. Бумага типографская.
Печать цифровая. Условн. печ. лист. 8,27. Тираж 300 экз. Заказ № март321

Донецкий национальный университет
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
Серия ДК 1854 от 24.06.2004 г.